

Литературные известия

№ 3 (225)

Март 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня в
номере:

Атланты литературы

*

История литературы

*

Они ушли. Они остались

*

Поэзия

*

Проза

*

Рецензии

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

современная
писательская
организация,
идушая в ногу
со временем
и отвечающая
потребностям
творческих людей

**СТАНЬ
ПИСАТЕЛЕМ
СВОЕГО ВЕКА!**

www.writer21.ru
т. (495) 978-62-75

Реклама в газете

**«ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ИЗВЕСТИЯ»**

Вас прочтут
в 75 странах мира!
Мы ждем Ваших звонков
по тел.:

• (495) 978-62-75 •

«СВЯТОЕ НЕДОВОЛЬСТВО...»

(ПАМЯТИ РУССКОГО ВОЛШЕБНИКА СЛОВА НИКОЛАЯ ЛЕСКОВА)

Николай Семёнович Лесков (1831–1895) — наш славный соотечественник, великий русский классик, к которому нельзя подходить с обычными мерками. Это писатель безмерный, а порой и чрезмерный, если говорить его же словами из романа-хроники «Соборяне».

Главный герой «Соборян», протоиерей Савелий Туберозов, списан с натуры: по признанию писателя, с его деда — священника Димитрия Лескова. «Из записок моего деда» — также указал автор в подзаголовке самого первого своего рассказа «Погасшее дело». Дед Николая Лескова умер еще до рождения внука, но будущий писатель знал о нем от отца и от тетки Пелагеи Дмитриевны: «всегда упоминалось о бедности и честности деда моего, священника Димитрия Лескова», — и воплотил в первом литературном опыте некоторые его черты. На прототип центрального героя «Соборян» Лесков прямо указал в «Автобиографической заметке»: «Из рассказов тетки я почерпнул первые идеи для написанного мною романа "Соборяне", где в лице протоиерея Савелия Туберозова старался изобразить моего деда, который, однако, на самом деле был гораздо проще Савелия, но напоминал его по характеру».

Дневник Туберозова — «Демикотоновая книга» — открывается датой 4 февраля 1831 года. Это день рукоположения Савелия в священнический сан: «По рукоположении меня 4-го февраля 1831 года преосвященным Гавриилом в иерея получил я от него сию книгу в подарок за мое доброе прохождение семинарских наук и за поведение»; «За первую надпись, совершенную в первый день иерейства Туберозова,

была вторая: "Проповедовал впервые в соборе после архиерейского служения"».

Важно заметить, что начало глубоко личных дневниковых записей отца Савелия, раскрывающих характер героя изнутри, совпадает с датой рождения Николая Семёновича Лескова — 4 февраля 1831 года. Таким образом, писатель — проповедник христианских истин, создавший образ священника-праведника, — биографически включает себя самого в заветный текст дневника своего героя — бесстрашного проповедника слова Божия; являет родственную и духовную сопричастность мятежному протопопу, наделенному даром вдохновенной, пламенной проповеди; отчасти отождествляет себя с ним. Вослед за своим героем Лесков мог бы сказать и о себе самым словами дневника Савелия Туберозова: «Прости, Вседержитель, мою гордыню, но я не могу с холодностью бесстрашной совершать дело проповеди. Я ощущаю порой нечто на меня сходящее, когда любимый дар мой ищет действия; мною тогда овладевает некое, позволю себе сказать, священное беспокойство; душа трепещет и горит, и слово падает из уст, как уголь горящий». Этот герой прямо вырастает во вселенский образ пушкинского пророка, у которого трепетное сердце превратилось в «уголь, пылающий огнем». Пророк отмечен печатью Божьего избранничества, и Господь посылает своего избранника на проповедь Своих заповедей:

И Бога глас ко мне воззвал:
«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

«Вольномысленный поп» Савелий Туберозов вызывает неудовольствие властей и даже попадает под негласный надзор. Отец Савелий записывает в свой дневник: «Не иначе думаю, как городничему поручен за мною особый надзор. <...> окропил себя святою водой от врага и согладата». Высокопоставленные чиновники в России — чаще всего инородцы — с высокомерием относились к православному духовенству. Так, в «Соборянах» протоиерей Савелий в дневниковой записи указал, что губернатор, «яко немец, соблюдая амбицию своего Лютера, русского попа к себе не допустил, отрядил меня для собеседования о сем к правителю. Сей же прави-

тель, поляк, не по-властичному дело сие рассмотреть изволил, а напустился на меня с криком и рыканием». Затем последовали репрессивные меры: «Я отрешен от благочиния и чуть не отвержен сана». Далее Туберозов «с подробностью» излагает повесть своего столкновения с губернатором. Сановник в этом споре предстает как басурманин-супостат — недруг русского народа. Зато фигура неустрашимого протоиерея вырастает во всей духовной мощи. Уездный священник отважно вступился за Николая Чудотворца — любимейшего на Руси Святого, память о котором дерзко оскорбил губернатор, за землю русскую, за веру православную, за нужды простого народа, закабаленного и истерзанного угнетателями всех мастей

Лесков, как и его герой — бесстрашный протопоп, страдал от преследований цензуры, не терпевшей свободного, живого, правдивого слова проповеди ни в литературе, ни в храме. Но, говорит автор устами своего героя, «в душе моей есть свой закон цензуры!.. А они требуют, чтоб я вместо живой речи, направляемой от души к душе, делал риторические упражнения <...> Нет, я против сего бунтлив, и лучше сомкните вы, мои нелестливые уста, и смолкните, мое бесхитростное слово, но я из-под неволи не проповедник».

Недюжинный характер Савелия отличается исключительным своеобразием: «в особе сей целое море пространное всякой своеобычности». Во многом похожим на него был и Николай Лесков. До последних лет своих, «уже пережившим за шестой десяток жизни», он «сохранял весь пыл сердца и всю энергию молодости». Оригинальная личность самого писателя, созданный его творческим гением художественный мир — столь же необъятное живое море, сверкающее всеми переливами и оттенками красок на поверхности, а в недостижимых глубинах — таинственное, загадочное, до конца не постижимое; то спокойное и безмятежное, то неистово бушующее и бурное.

Жизненный и творческий путь Лескова позволяет взглянуть на него не только как на творца произведений, но и как на творца самого себя, непрестанно работающего над духовным возрастанием своей личности, обновлением в себе «внутреннего человека» — в согласии с христианскими заповедями. В не-

Окончание на стр. 8

ЮБИЛЕЙ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА

Юбилейный творческий вечер поэта, прозаика, кандидата филологических наук, режиссера, издателя, президента Союза писателей XXI века **Евгения Степанова** состоится 5 июня 2024 года, в 18.30, в Малом зале ЦДЛ.

В этот день нашему руководителю исполнится 60 лет.

В вечере примут участие известные писатели и деятели искусств, сотрудники МИД РФ и многие другие интересные люди.

Будут показаны фрагменты полнометражных фильмов Евгения Степанова «Христос-Человечество» и «Основной вопрос».

Ведущая вечера — первый секретарь Союза писателей XXI века, поэт **Нина Краснова**.

Чтобы подтвердить участие в вечере, пишите, пожалуйста, заявку на адрес: stepanov@mail.ru

Пресс-служба
Союза писателей XXI века

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЭТ. РЕДАКТОР. РОДНАЯ ДУША

11 февраля 2024 года ушла из жизни поэт, литературовед, педагог, радиожурналистка и режиссер, главный редактор журнала «Нева», председатель жюри премии «Писатель XXI века» **Наталья Анатольевна Гранцева**.

Это, без преувеличения, огромное горе для всей русской литературы и для меня лично. Мы дружили много лет, практически во все приезды Натальи Анатольевны в Москву и в мои в Санкт-Петербург встречались и беседовали на всевозможные темы. Мы были единомышленники. Так иногда (очень редко!) происходит в жизни — в зрелые годы встречаешь родную душу...

Наталья Гранцева была многогранно одаренным человеком — талантливым поэтом, исследователем литературы, специалистом по Шекспиру и Ломоносову, редактором, организатором литературного пространства, членом жюри различных премий.

В оргкомитете премии «Писатель XXI века», в который меня избрали координатором, мы работали вместе почти 10 лет.

Наталья Анатольевна всегда подчеркивала, что нужно, прежде всего, поддерживать молодых авторов.

— Ну раз уж у нас премия «Писатель XXI века», то сам Бог велел нам выдвигать тех, кто прославит век нынешний! — говорила она.

Именно по ее инициативе мы наградили талантливого поэта из Курска Романа Рубанова.

Она всегда приезжала на церемонии награждения в Москву, в ЦДЛ, приезжала буквально на несколько часов и сразу же уезжала домой, в Санкт-Петербург. График у нее был очень насыщенный и напряженный.

Все мои настойчивые попытки оплатить ей хотя бы проезд ни к чему не приводили. Щепетильность у нее была удивительная — какая-то дворянская, из XIX века.

Служила литературе она бескорыстно и самоотверженно. Накануне нового 2024 года она написала мне письмо и предложила встретиться в Москве — она участвовала в Подмосковье как руководитель семинара в совещании молодых писателей.

Мы встретились на Ленинградском вокзале и долго беседовали, как всегда, на всевозможные темы.

Она спросила:

— А Вы помните, как мы познакомились?

Я ответил:

— Конечно, помню. Нас познакомил поэт Валерий Дударев, Царствие ему Небесное.

Она прокомментировала:

— Но я и раньше Вас, конечно, знала. Заочно. По одной телевизионной передаче.

Она назвала эту передачу...

— Мне понравилось, как Вы отвечали на провокационные вопросы журналистов...

Я напряг свои не совсем восстановившиеся после ковида мозги и не мог вспомнить, когда я участвовал в этой передаче. Да и участвовал ли вообще?

Но ничего не стал говорить Наталье Анатольевне. Не хотел ее расстраивать — если бы я сказал, что не помню этого, она бы расстроилась из-за состояния моего здоровья.

В кафе, на вокзале, мы, как всегда, пили кофе. Она — маленькую чашечку...

Я подарил Наталье Анатольевне новые книги своего издательства, нашу газету «Литературные известия» и баночку красной икры. Еле-еле уговорил ее принять этот скромный презент. Она ворчала:

«Ну что Вы, Евгений Викторович, это же очень дорогой подарок!.. Ну ладно, возьму. Спасибо большое. Это будет украшением моего праздничного новогоднего стола...»

А мне она тогда сделала действительно царский подарок — номер журнала «Нева» с публикацией моих рассказов. Н. А. Гранцева была почвенником, патриотом своей страны, мудрым и прозорливым человеком.

Однажды сказала мне:

— Только враги России хотят видеть наше государство в пределах Московского княжества. За что же тогда боролись наши предки?!

Эта тема ее всегда сильно волновала.

Я счастлив, что Наталья Анатольевна каждый год приглашала меня опубликоваться в «Неве». Я, коренной москвич, постепенно становился петербургским автором...

Она относилась к литераторам в высшей степени внимательно и доброжелательно. Но при этом была очень строгим редактором.

Меня она часто критиковала, говорила мне, чтобы я больше времени уделял именно литературной работе, а не тратил себя только на издательскую и общественную деятельность.

При этом — повторю — постоянно меня печатала. И стихи, и прозу, и литературные заметки, и ответы на вопросы проводимых ею замечательных просветительских блиц-интервью, посвященных тому или иному писателю-классику или историческому событию.

Я очень старался оправдать ее — именно ее! — доверие. Работал над стихами и прозой. Многие стихи переписывал.

Моя основная книга стихов «Младший брат травы», которая вышла в прошлом году, посвящена самым близким моим людям, в том числе Н. А. Гранцевой. Она успела ее прочитать.

Во время нашей последней встречи, там, на Ленинградском вокзале, Наталья Анатольевна сказала:

— Книга хорошо составлена. В ней много стихов, которые я люблю. Ничего не скажешь — мастер... Это точно заметил еще Лев Аннинский. И я рада, что в книге много новых стихов. Я специально посмотрела по датам. Слава Богу! Значит, Вы восстановились после смерти жены и после ковидной больницы. Значит, интерес к жизни опять появился.

Мы строили планы на будущее. Она — по моей настойчивой и многолетней просьбе — составляла для нашего издательства книгу своих стихов.

Договорились также, что я сниму документальный фильм про юбилей «Невы».

— Приезжайте в Питер, как потеплеет, ближе к майским праздникам, — предложила Наталья Анатольевна.

Так и решили делать.

Я проводил ее до вагона поезда, и мы трижды на перроне обнялись. Очень тепло и сердечно. Как никогда — раньше.

Только сейчас я понимаю: она со мной прощалась навсегда.

У нее было много учеников. И осталось много литераторов, которым она помогала, поддерживала своим вниманием и заботой. Но при этом она оставалась честной перед людьми. Не называла черное белым, не заводила любимчиков. На первом месте всегда был — текст. Качество текста.

...Мне рассказывали участники Липок, как она вела семинары. Сурово всех разбирала, критиковала, указывала на недостатки, показывала пути их устранения, но именно она и давала слово молодым. Печатала. А это для писателя — главное. Писать и печататься. Эволюционировать.

Добиваться — от самого себя — максимального результата. Добиться его.

Она руководила 17 лет в качестве главного редактора «Невой» и подняла уровень журнала на очень высокую планку.

Все время что-то улучшала, постоянно привлекала к сотрудничеству новых авторов, не забывала прежних.

Очень хотела платить всем нам гонорары. Выкраивала крохи из скромного журнального бюджета.

Однажды заплатила мне за повесть две тысячи рублей.

Эти две тысячи были для меня очень дороги. Прежде всего, в символическом плане.

В последние годы я получал гонорары только в двух изданиях — в «Неве» и «Урале». Конечно, две тысячи не самые большие деньги. Но сам факт, что твои сочинения хоть что-то да стоят, не может не греть душу.

И я про эти две тысячи никогда не забуду.

Бесчисленные хозяйственные, организационные дела, конечно, занимали много ее драгоценного времени. Но все-таки творчество было на первом месте. Она смогла реализоваться в полной мере и как литературовед, и как поэт.

Мне особенно дороги ее стихи.

Развивая некрасовские традиции русской поэзии, Наталья Гранцева писала:

Они воздвигли города,
Воспели подвиги и стройки,
И умирать пришли сюда —
Под сень контейнера, к помойке.

Был Беккет прав — конец игры,
Жизнь, как бездомная собака,
Ее духовные миры,
Не глубже мусорного бака.

Вот милосердье — в смрадной мгле:
Прогорклый хлеб и вздох окурка,
И на бутылочном стекле
Слепящий отблеск Петербурга.

Поэт (прошу прощения за трюизм, но здесь по-другому не скажешь) — зеркало общества. И не может делать вид, что живет в «королевстве кривых зеркал». И не может не отражать то, что есть. Соединяя прозу (показательна лексика: «бездомная собака», «окурка», «не глубже мусорного бака») и высокий поэтический стиль — «духовные миры», «слепающий отблеск Петербурга», Гранцева показывала обнаженную и кровоточащую дуалистичность мира и — через локальный текст — «сканировала» в целом состояние общества. Или — даже шире — состояние цивилизации. Но тут очень важно не перейти тонкую грань жанров. Одно дело — написать рифмованный фельетон (что, на мой взгляд, вряд ли имеет отношение к подлинной поэзии), другое дело — создать суггестивное гражданское стихотворение, затрагивающее социальную проблематику (что делала Наталья Гранцева).

Стихов гражданского звучания у нее немало. И немало пронзительной, трепетной лирики.

Я точно знаю, что еще придет время, когда читатели осознают масштаб дарования Натальи Гранцевой.

Вечная светлая память!

Аминь.

Евгений СТЕПАНОВ

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

ПИСЬМА-АВТОГРАФЫ ТАМАРЫ ЖИРМУНСКОЙ

Стихами Тамары Жирмунской, классика русской поэзии, я увлекся лет в четырнадцать, с тех пор, как сам стал писать стихи и всерьез интересоваться поэзией. Благо, у отца были подшивки популярного журнала «Юность», и я всех шестидесятников там охотно читал...

Я тогда и не думал, что стану редактором-издателем. И познакомлюсь со многими известными поэтами, и даже буду их печатать-издавать.

36 лет моей работы подарили радость общения с замечательными и талантливыми людьми.

Я дружил с поэтом Вадимом Ковдой (он жил и в России, и в Германии), он частенько заходил ко мне в гости в редакцию — и в Знаменский переулок, и на Кожевническую улицу.

Именно Ковда и напомнил мне о Тамаре Жирмунской, которая к тому времени уже несколько лет проживала в Мюнхене.

Я попросил Вадима, чтобы он передал от меня привет Тамаре Александровне.

Такое и началось наше личное общение с известной поэтессой.

27 октября 2011 года я получил такое письмо:

«Уважаемый Женя! Спасибо за то, что делаете благое дело — это раз. Спасибо и за то, что позвали (напечататься в журнале "Дети Ра" — прим. Е. Степанова) через Вадима Ковду и оказались на месте. Надеюсь, наш первый литературный контакт превратится в литературную дружбу.

Даю Вам свой литературный сайт. Если что-нибудь из него Вам приглянется — напишите. Я пришлю Вам Ваш заказ. Удачи! Тамара».

Я стал постоянно публиковать стихи и эссе Тамары Жирмунской в своем журнале «Дети Ра».

Издal ей несколько книг, в том числе Избранное из всех написанных ею поэтических сборников. Все стихи мы сканировали из предыдущих книг, а потом делали сверку или вручную набирали. Это была очень большая и ответственная работа, которой Тамара Александровна осталась довольна.

Виделись мы однажды. В один из ее приездов домой, в Россию, она пришла к нам в редакцию.

Невысокая, худенькая, умная, доброжелательная. Очень обаятельная.

16 февраля 2012 пришло такое письмо:

«Уважаемый Женя! Спасибо за публикацию моего Эренбурга в "Дети Ра".

10 апреля исполнилось бы 75 лет Белле Ахмадулиной. Посылаю Вам воспоминания о ней. Тамара».

Эти воспоминания мы тоже опубликовали в журнале «Дети Ра».

Потом было еще немало писем, в основном делового свойства. Тамара Александровна очень хорошо понимала, какие книги она хочет издавать, как они должны выглядеть.

Характерно в этом смысле письмо от 1 июля 2015 года:

«Дорогой Женя! Сердечное спасибо за выполненное обещание. (Я обещал прислать макет ее книги на согласование. — Прим. Е. Степанова.) При беглом просмотре нашла одну неувязку. Из "Бразильской тетради" включила в книгу только два стиха: "Игра в гольф" и "Ванька мокрый..." Два других: "Ю.Н." и "Прекрасно и увядание..." сюда не относятся. Завтра, со свежими мозгами, прочитаю все обстоятельно.

Мы с Вами, по-моему, не говорили о цвете и материале обложки. Мне хотелось бы темно-красный цвет и материал под бархат. <...>

Еще раз благодарю Вас и Вашу помощницу (Анну Романюк. Это она верстала одну из книг Тамары Жирмунской. — Прим. Е. Степанова).

Через несколько часов — 1 июля 2015 — пришло новое письмо:

«Женечка! Анна (верстальщица Анна Романюк. — Е. С.) уже запросила меня в друзья (в запрещенном ныне фейсбуке. — Е. С.). Я дала согласие. Обычно я отказываю, вернее, ничего не отвечаю, потому что не могу охватить столько людей.

Тем более незнакомых. Муж болен, масса домашних дел и пр. Но тут другое дело. Благодарю Вас за заботу. Можно

читатели обычно дальнорозкие. Анну стесняюсь спросить. Виктор Шкловский, который вел у нас "Литературное мастерство", предупреждал: "Не задавайте глупых вопросов!" Помню это всю жизнь. Извините, взбрело в голову. Можно ответить в пятницу. Тамара».

А это письмо от 14 июля 2015 года:

«Вы, милый Женя, видите сквозь стены. Я тоже пришла к выводу, что обложку надо делать нормальную — как у Дударева, у Пушкина. Не знаю, что такое "с ламинацией", но всецело доверяю Вам. Цвета мы с Аней уточнили. Вторую сверку я вчера ей послала. Саша (Сандра Мясникова, дочь Т. Жирмунской, писатель. — Е. С.) очень скоро будет на месте, прилетит 19-го и сразу Вам позвонит. Еще раз спасибо за снисходительность и терпение. Тамара».

Через два дня — 16 июля 2015 года — новое сообщение:

«Дорогой Евгений Викторович! Спасибо Вам за Аню. Как Вы и обещали, она все сделала тщательно и в срок... Меня волнует вопрос, как будут крепиться листы к моей книге.

Нитками или только клеим? В книге-малютке, которая вышла у меня в ЯНИКО 19 лет назад, я углядела нитки. Но та меньше по объему и страницы меньше. До сих пор как новенькая.

Саша должна прилететь в воскресенье к вечеру. По какому телефону Вам позвонить или как связаться из дому? Дома она, думаю, будет часов в 8–9 вечера.

Счастливого оставаться.

Тамара».

20 февраля 2016 я получил последнее письмо от Т.А. Жирмунской:

«Дорогой Женя! Жду Вас с нетерпением 5 марта в 17 часов в библиотеке семейного чтения. Метро Пионерская. Адрес: Кастанаевская ул., 52. Не так давно библиотека объявлена Библиотекой-центром Фазиля Искандера. Я там не была, но Саша (Сандра Мясникова. — Е. С.) рассказала, что в этом небольшом помещении есть комната, где на одном стенде собраны книги и фотографии Фазиля, в зале проходят встречи, посвященные его творчеству, т.е. положено начало будущему музею. Фаиль, слава Богу, жив. Но болеет. Недавно вернулся из Боткинской больницы. Обычно возит его на машине сын Саша (его мы называем Сандро из Москвы), но не уверена, что сейчас такое путешествие Ф.И. по силам. Однако жена и дочь Фазиля обещали быть.

6 марта ему исполнится 87 лет. Я расскажу о нашей многолетней дружбе. Подарю музею одно мое эссе, написанное к его пятидесятилетию, когда он был не в чести у официоза за участие в альманахе "Метрополь", и другое — вступление к книге, где напечатаны стихи о любви Фазиля к его жене и ее стихи о любви к нему. Антонина Искандер — серьезный поэт. Тираж книги — 100 экз. Есть в компьютере электронная библиотека imwerden Андрея Никитина-Перенского, где умелые читатели могут открыть и полистать эту книгу.

О своей книжке, вышедшей в Вашем издательстве, тоже, конечно, расскажу. Почитаю оттуда стихи. Саша обещает после всего фуршет.

Пригласить всех достойных людей невозможно. Шлю избранным приглашения через "секретку". Многие обидятся. Но что делать?!

Ваша Тамара».

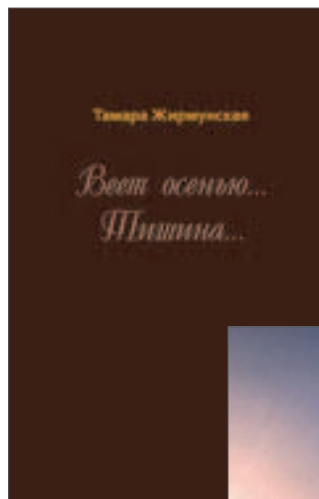
Через некоторое время Тамара Александровна заболела и ушла в иной мир.

А книги ее остались. И ее светлый образ всегда с нами.

Евгений СТЕПАНОВ

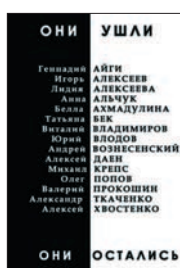
один вопрос? Мне показалось, шрифт в верстке очень мелкий. Он таким и останется? В книжке Дударева (Валерий Дударев (1965–2018), поэт, редактор, издатель, который издавал одну из книг Тамары Жирмунской. — Е. С.), взятой за образец, шрифт был, по-моему, крупнее. Я близорукая, хорошо вижу мелочь. Но мои ровесники и потенциальные

РЕКЛАМА

Трехтомник о поэтах и поэзии «Они ушли. Они остались», составленный Евгением Степановым, всегда в продаже в магазине «Литлавка»

<http://litlavka.ru/>

ПРОЗА

Людмила ОСОКИНА

НЕЛЮБИМАЯ

РАССКАЗ

Людмила Осокина — поэт, прозаик. Родилась в 1960 году в г. Барнауле Алтайского края. Окончила Московский государственный историко-архивный институт. Печаталась в журналах «Юность», «Дети Ра», «Эолова арфа», газетах «НГ Ex libris», «Московский комсомолец», альманахах «День поэзии, 2010», «45-я параллель» и многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живет в Москве.

Ее никто никогда не любил. Так она считала. Начиная с самого раннего детства и кончая самыми последними годами.

И как она ни старалась обрести взаимную любовь, или даже невзаимную, ничего не получалось.

Почему так было, она не понимала.

Вроде бы и внешностью она не была обижена, она имела достаточно привлекательную наружность, да и характер был довольно-таки покладистый, ладить с мужчинами, и даже подлаживаться под них она могла.

Но в личных отношениях ей не везло. Личного счастья, любви в ее жизни так и не случилось.

Правда, у нее был одно время муж, и жила она с ним долго и несчастливо. Но это ведь было не совсем то. Любви между ними не было, они были связаны, так сказать, особыми жизненными обстоятельствами.

Потом муж умер, и она снова стала предоставлена самой себе, и снова устремилась на поиски любви.

Поиски любви стали смыслом и целью ее жизни. И превратились на какое-то время даже в идею фикс.

Сначала она стремилась к любви бездумно, как бабочка на огонь. Она летела на этот огонь, не задумываясь о последствиях. Кидалась в водоворот любви со всей силой и страстью, на какие только была способна.

Но этот водоворот существовал, похоже, только лишь в ее воображении. Объекты ее страсти почему-то на ее любовь никак не реагировали и даже близко ее к себе не подпускали. Они любили кого угодно, только не ее, а от нее почему-то шарахались.

И это было вдвойне обидно. Если бы ей позволили хотя бы безответно любить, быть рядом, то еще бы куда ни шло.

А так вот, чтобы совсем напрочь ее отвергать, это было совершенно невыносимо.

И так продолжалось бесконечно долго с разными мужчинами. И все по одному и тому же сценарию. И пора бы уже было сделать выводы, но она все никак не успокаивалась.

Наконец, когда ей исполнилось 39 лет, она все-таки задумалась: что происходит, почему ей так не везет в любви? Ведь должна же быть какая-то причина?

Она посчитала и обнаружила, что в общей сложности любила всех своих избранников 25 лет. Внушительная цифра! Но ей не удалось получить от них даже капельку взаимной любви, даже капельку!

Ей, возможно, и хватило бы этой капельки, даже капельки ей хватило бы, чтобы закрыть, так сказать, гештальт — незакрытую и работающую программу внутри нее, в ее голове, которая ее изматывала и лишала сил.

Но никто из ее избранников закрывать эту программу не собирался. Все они были жестоки по отношению к ней, к ее чувствам. Так она страдала и мучилась со своей проблемой и со своей незаживающей раной в сердце, в которую очередной избранник добавлял новую порцию мук, и она начинала болеть по новой. А ведь она, влюбляясь, надеялась именно залечить эту рану, нанести на нее целебный бальзам в виде взаимной любви. Но вместо бальзама она получала только страдания, и рана продолжала болеть.

И вот она задумалась, почему так происходит, чем она для них нехороша, для этих, так сказать, объектов любви?

Ей думалось сначала, что она, возможно, недостаточно красива для них. Поэтому, в очередной раз влюбившись, она старалась привести свою внешность в порядок, возвести ее, так сказать, на должную высоту. Ходила в салоны красоты, делала модные стрижки, красила волосы в модный цвет. Также ходила к косметологу, делала массаж лица, чистку, красила там специальной краской брови и ресницы, делала коррекцию бровей.

Нет, она особо этим не увлекалась, этими процедурами по уходу за собой, но что-то необходимое и достаточное делала, чтобы выглядеть привлекательно. В принципе, она была за естественную красоту, но с должным уходом.

От природы она была достаточно красива. Она имела хорошую кожу: мягкую, нежную, цвета слоновой кости. Волосы у нее были хорошие: густые, длинные, цвета золотистой соломки. Глаза были красивые: большие, серо-голубые. Правда, печальные. Нос идеально прямой в профиль.

Фигура долгое время была компактной: при росте 167 см она весила где-то 54 кг. Правда, со временем немного поправилась, но это ей только пошло на пользу. Были и некоторые недостатки, но у кого их нет?

И вот на всю эту красоту почему-то не нашлось любителя. Странно!

Она пыталась и одеждой приукрасить свою внешность: покупала модные вещи, собирала достаточно интересные комплекты из купленных вещей, создавала приятные образы.

У нее сохранились фотографии из тех времен, она порой перебирала их и поражалась, насколько она была красивой тогда. Но ни красивая фигура, ни красивое лицо, ни красивая одежда так и не помогли ей достичь успеха в любви. Какой бы красивой она ни была, это никак не сказывалось на ее отношениях с очередным возлюбленным. Он ее красоту в упор не замечал и уж, тем более, никак не хотел идти навстречу ее чувствам. Ну, красоту, может, и замечал, но это никак не влияло на его чувства к ней. И это было более чем странно.

В итоге она сделала вывод, что красота — это не синоним счастья. И вряд ли, даже став идеально красивой, можно достичь желаемого. Это она уже знала точно. И только лишь на красоту рассчитывать нельзя. Возможно, красотой можно кого-то привлечь, но вряд ли за красоту полюбят. Может, полюбуются немного и дальше пойдут. Может, даже смутятся. Красота приводит многих мужчин в смущение. Они не знают, как себя вести с красивой женщиной и теряются в общении с ней. А некоторые просто боятся таких женщин и стараются избегать их. Но опять же такое состояние не синоним любви, это несколько другое. Она это понимала. Но все равно это ее внутренне возмущало и вызывало даже какой-то когнитивный диссонанс: как же можно — красивую женщину да не любить? Как такое возможно? Этого она не могла принять. Ведь, по-большой части, что главное в любви? Это красота, особенно в молодости. Ведь чем можно привлечь, в первую очередь, противоположный пол? Красотой, конечно же. И необязательно быть писаной красавицей, достаточно хоть что-то красивое во внешности иметь: глаза, улыбку, фигуру, голос. И она многое из этого имела, и от природы, и благодаря собственным усилиям.

Но свою проблему взаимной любви решить так и не смогла. И это ее больше всего удивляло, почему? Но она не нашла ответа.

Ей вспомнился один случай из жизни. Как ее соседка по лестничной клетке нашла себе красивого парня, который влюбился в нее без памяти и даже женился потом на ней. Все б это ничего, но дело в том, что соседка была с уродством на лице, у нее был каким-то непонятным образом сдвинут на бок рот, рот был перекошен, и это был очевидный факт. Но, несмотря на это явное уродство, она нашла себе не просто парня, а красивого парня, это был красавчик, глаз не отвести: стройный, высокий, с красивым лицом. Он был похож на известного в те времена эстрадного певца Сергея Захарова. И вот он влюбился в эту соседку: худенькую, маленькую, с перекошенным ртом. И вот как такое возможно? Ей самой этот красавец не нравился, но сам факт такой любви ее возмущал. Он влюбился в форменную уродку, этот красавец! И ее этот факт ранил до глубины души. Почему даже уродливых девушек любят, а ее вот нет, почему? Правда, у соседки были красивые глаза, но ведь и у нее они были. Но ее за красивые глаза почему-то никто не полюбил.

И она с завистью смотрела, как этот красавец носил свою уродливую пассиву на руках, в буквальном смысле слова. Она наблюдала это, когда к ним заходила за чем-то. Он поднимал ее, кружил, смотрел ей в глаза, и, казалось бы, совсем не замечал ее уродства. Как бы она хотела оказаться в тот момент на ее месте! Но не с этим, конечно, красавчиком, а в принципе, с тем, кого она будет в очередной раз любить. Этот случай добавил очередную порцию горечи в ее сердце. И вот за что ей такое видение было, за что? Ей бы, может, в принципе, было не так обидно, если бы она не была внешне такой красивой, если бы была пусть не уродкой, а какой-нибудь невзрачной серой мышкой, без всяких претензий на любовь и красоту. Тогда было бы понятно, в чем проблема и обиды такой уж на судьбу не было бы. Но быть обладательницей красивой внешности и не нравиться при этом никому, это было уж слишком тяжелое испытание!

Однажды, купив толстый литературный журнал, она наткнулась там на повесть о любви (о, как она любила такие сюжеты!). Она даже запомнила название: «У ног лежащих женщин». Автора как-то не запомнила, но это была женщина. Возможно, Галина Щербакова. И вот эта повесть была о любви.

Сюжет вкратце таков. В одном маленьком городке, на пересечении двух улиц, в трех домах, расположенных по соседству, лежат в параличе три женщины. Они в сознании, но что-то у них не действует, у кого руки, у кого ноги. Они не ходят и ухаживать за собой не могут. Но у них есть мужья. И они ухаживают за своими женами, любят их, терпят все невзгоды, и у них даже и мысли нет расстаться с ними. Вот такие дела!

И вот она так тогда позавидовала этим женщинам, так расстроилась тогда из-за этой повести, что долго не могла успокоиться. Ну почему даже этим женщинам, инвалидкам, калекам, досталась любовь, почему? Почему не ей? Ей бы хоть капельку, хоть капельку любви, она ведь так в ней нуждалась!

И долго она еще вспоминала эту повесть, этот сюжет и переживала в душе. И хотя она понимала, что сюжет отчасти надуманный, неестественный, так не бывает, но все равно он не давал ей покоя. Просто сам факт возмущал, что даже уродливых, даже инвалидов любят, а ее нет! А ведь она так жаждала любви, так жаждала ее! Но почему-то не получает ее.

И она в душе даже возненавидела всех этих уродок, инвалидов и серых мышек, которым, несмотря на их внешность, каким-то чудом обломилось-таки женское счастье.

Попробовала действовать в этом плане наоборот, стать на какое-то время, так сказать, условно некрасивой. Природную красоту, конечно, никуда не денешь. Но ее можно, тем не менее, немного приглушить, запрячь, особо не выпячивать, не делать на этом акцент. Одно время она так и делала: перестала ухаживать за собой, ходить к косметологу, к парикмахеру, перестала красиво одеваться, так, во что придется, перестала краситься.

Но это тоже не помогло, наоборот, стало только хуже. На нее совсем перестали обращать внимание, и как женщину уже вообще не воспринимали. И она с завистью смотрела, как ухоженным красивым девушкам и женщинам оказывали внимание, а ее не видели в упор. Это ее сильно задело и в очередной раз травмировало. Что же опять не так? И красивая она им нехороша, и некрасивая тож. Какой же тогда быть? Она не понимала.

Когнитивный диссонанс в ее душе возрос и усилился. Ее этот опыт неприятно поразил. Она поняла, что совсем уж некрасивой быть нельзя, иначе вообще выпадешь из поля зрения предполагаемых избранников, так хоть какая-то надежда есть, а так уж совсем никакой.

И она решила оставаться, по мере возможности, красивой и ухоженной, но без чрезмерности. Красоту немного приглушила, чтобы она не особо била по глазам. И понимала одно, что только красотой мало чего добьешься, но без

ПРОЗА

Алина ДИЕМ
ПАРИЖ, ФЕВРАЛЬ, СУББОТА
РАССКАЗ

Алина Дием — поэт, прозаик. После окончания в 1992 году Харьковского государственного института культуры работала библиографом в библиотеках Полтавы и Воронежа. В 2006 году вышла замуж за француза и уехала во Францию, где и живет в крошечном городке в горах под названием Вогезы на востоке страны. Путешествует, фотографирует, пишет акварели, стихи и рассказы.

Они шли пешком, свернули куда-то, и она замерла от неожиданной перспективы. Вдаль уходила пустая улица. Париж, февраль, три часа дня. Пасмурно, сухо, без дождя и ветра, серый субботний денек.

И никого на серой парижской улице. Абсолютно пустая улица. «Фантастика. Конец света. Внезапная чума. Все умерли. Или превратились в фантомы, невидимые сущности», — подумала она.

Ей стало жутко, как в кошмарном сне. Она-то хоть живая? Она перевела взгляд на свой живот, выпирающий из светло-серой курточки, увидела свои круглые колени в серых джинсах и вздохнула: «Жива-то жива, но чем она лучше этой серой чумы вокруг? И так же невидима для других».

Она стояла на серых плитках тротуара в серых туфлях из искусственной кожи. Тротуар отделяли от проезжей части металлические квадраты, покрашенные в серый цвет. За ними шла асфальтовой полосой узкая дорога в одну сторону, для одной машины. Но машин не было ни одной. Даже дальнего автомобильного гула не слышно. Тишина на пустой дороге. Через бровку поблескивали трамвайные рельсы. Пустые. Трамваев не видно ни в одну, ни в другую сторону. Рельсы терялись в туманной дали, настолько ровной и дальней, что казалось: трамвайные рельсы уходят в другую страну.

Толстые стволы платанов длинной линией уходили в ту же даль. Платаны, по идее, должны быть живыми. Но вызвали сомнение. Их так выстригли по европейскому обычаю, что оставили только самые толстые отростки с шишками на концах, а тонкие ветки исчезли и появятся только в конце весны. Если появятся. Сейчас, в середине февраля, платаны мертво и неподвижно стояли в ряд, как глиняные китайские солдаты. Между двумя стволами виднелась одинокая садовая скамейка серого цвета. Рядом примостили бачок для мусора, покрашенный в цвет скамьи.

Платановая аллея отделяла вторую полосу асфальтовой дороги. Пустую в этот час. Но автомобили все-таки имелись.

Правда, не на дороге, а на стоянке вдоль домов. Автомобили разных марок, но... почти одного цвета. Серого, разумеется. Серый цвет разных оттенков — от светлого до темного. Обычные привычные машины на каждый день. Рабочие лошадки. Но если вы подумали, что район рабочий, то ошиблись. Это улица доходных домов конца 19 — начала 20 века, богатая и в то время, и в наше. Снимать или иметь огромные квартиры с высоченными потолками в таких домах могут себе позволить не все обычные люди. Не рабочий класс-трудяги. Хотя как посмотреть: если офисный планктон из программистов, по пятнадцать часов в сутки сидящий за компьютерами, то они могут жить и здесь, вернее, приходить ночевать.

Дома в четыре-пять этажей покрашены в разные приглушенные тона — бежевые, песочные, и тянутся сплошной линией без просветов-проходов между ними. Порой появляется мысль, как люди попадают в них? Вероятно, залетают в каминные трубы на крышах. На стенах некоторых домов черной ажурной решеткой выделяются балконы. Во Франции на старых домах балконы особенные — пустые по закону, из витого чугуна, узкие настолько, что хозяева не рискуют стоять на балконе даже одной ногой. Зато красиво смотрятся. Очень по-французски. Бесполезно, но стильно.

Ей надоело рассматривать пустую улицу, она попросила мужа сфотографировать ее на фоне этого фантомного парижского пейзажа, и они вернулись на шумный проспект.

В сумерках того же дня они выехали из Парижа и в середине ночи вернулись в свою провинцию за пятьсот километров к востоку от мировой столицы.

Когда они вошли в свой дом, она включила новый электрический чайник — фарфоровый, белый, с букетами розовых роз на боках и крышечке, в голландском стиле. Она выбрала заварочный маленький чайник с кошечками по кругу — самый домашний, уютный, чтобы почувствовать себя наконец-то дома, среди милых вещей, и заварила самый дорогой чай — листовой, марочный. Она разлила

душистый чай по фарфоровым чашкам баварской старой фирмы, предпочитающей белый цвет с золотым рисунком ручной работы. Отпивая маленькими глоточками нектар богов, подумала, что в Париже не согласилась бы жить ни за какие блага, но что жизнь сама по себе все-таки прекрасна, пусть для нее не всегда, местами и мелочами, но прекрасна.

Правильно говорят французы — la vie est belle.

2024

Людмила ОСОКИНА
НЕЛЮБИМАЯ
РАССКАЗ**Окончание. Начало на стр. 4**

красоты и ухоженности не добьешься совсем ничего. Ладно, все это так. Но дальше-то что делать? Она не знала.

Знала, правда, что нужно понравиться своему избраннику, и желательно сразу, с первого взгляда. Если сразу не понравиться, то потом уже ничего не сделаешь, какой красивой не будь. Это не возмемет уже никакого действия. Ведь красота красоте рознь. Бывают различные типы красоты, и разным мужчинам нравятся разные женщины. Кому-то светленькие, кому-то темненькие, кому-то полненькие, кому-то худые. У каждого мужчины есть свой эталон женской красоты, и если в этот эталон данная, конкретная женщина не вписывается, то ей мало что светит, как ни старайся. Нет, он может даже пойти на некоторые отношения с такой женщиной, может, даже переспать с ней, но влюбиться в такую женщину вряд ли сможет. Да, это-то понятно. Но почему ей все время попадались не те мужчины, чьим эталоном женщины она могла бы быть? Это ей тоже было обидно. Ведь мог бы за всю жизнь попасться тот, чьей музой-вдохновительницей она могла бы стать. Мог, но не попался. И она была обижена и на жизнь, и на судьбу, что этого не случилось.

Она, конечно, понимала, что дело не только во внешней красоте, подходящей или неподходящей, а и в каких-то внутренних качествах, привлекательных и необходимых для данного конкретного мужчины. Но она, похоже, всех своих избранников ничем таким не привлекла. Но почему, почему? Чем она была для них нехороша? Ведь были же и у нее какие-то положительные и нужные качества, но почему это все ее душевное и духовное богатство оказалось невос-

тованным? Она была, как она считала, и добра, и заботлива, и верна, и преданна, и терпима, и покладиста, и внимательна. Что ж такое, что не так? Она мучительно раздумывала над этими вопросами, но ответа так и не находила.

У нее опять в этом плане случился когнитивный диссонанс, ведь все эти качества мужчины так ищут в женщинах, но почему она их в этом плане не устроила? Что не так? Непонятно.

Она опять попыталась действовать от противного. Может, наоборот, мужчинам, чтобы влюбиться, никаких покладистых женщин и не нужно. Может, наоборот, им нужна какая-нибудь форменная стерва, пьющая, курящая, гуляющая и плюющая на них? Может, это им нужно? Она попыталась стать такой стервой. Даже купила специальную книжку по этому делу, «Стервология» называется. Там женщины обучали всем этим стервозным премудростям. Купила, почитала, что-то поделала. Попыталась стать стервой... Но не смогла. Это был не ее путь. Она поняла, что стервой нужно родиться, вряд ли ей станешь, как ни старайся. И ведь не все же женщины, которых любят, стервы, их, стерв, не так уж много, поэтому чего уж тут расшибаться по этому поводу в лепешку?

И она оставила эти усилия по превращению себя в стерву, хотя кое-что для себя на записку взяла, в основном в плане ухода за собой.

Получается, стервой она быть не могла, а милой и нежной, исходя из опыта, быть не стоило. Тогда какой же быть, чтобы понравиться предполагаемому избраннику и обрести свое женское счастье? Ответа она так и не находила, но продолжала его искать.

Она уже вся закоченела от этого душевного и сердечного холода, от этой отверженности, которую она получала взамен своей любви, от этого неприятия ее как женщины и как человека. Со временем она вся сжалась, закрылась от внешнего мира, чтобы он не смог причинить ей очередную боль. Но все равно полностью закрыться она не смогла и порой выглядывала наружу, надеясь непонятно на что, и продолжала получать удары в сердце.

Она также продолжала влюбляться и любить своих новых возлюбленных, но уже недолго, по году, по полтора. На большее у нее уже просто не хватало сил. Все ее душевные и сердечные силы были исчерпаны прежними безответными любовями. Но она все равно где-то находила в себе остатки каких-то любовных сил и продолжала, как умела, любить.

Потому что по-другому она просто не могла. Ей нужно было любить кого-то, чтобы просто жить. Иначе жизнь для нее не имела смысла.

И она держалась в этом плане до последнего. И пыталась до последнего разгадать тайну такой недоступной для нее субстанции — любви.

Январь-март 2023

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Лирическая поэзия несовместима с отстраненностью. Сама структура лирического высказывания предполагает эмоциональность. В лирике на первое место выходит переживание, и в построении стихотворения важная роль отводится рифмованным конструкциям, роднящим лирику с музыкой. Мы знаем немало выдающихся стихотворений, которые обрели вторую жизнь в жанре романа.

Леонид Резник — не только поэт, но и автор-исполнитель. Его стихотворения как будто созданы для задушевного исполнения под негромкий перебор гитарных струн. Автор использует знакомые сюжеты, когда хочет показать, как томится его лирический герой. Мы узнаем их, но все равно — принимаем, потому что понимаем, что, например, свечи

Тоже тихо плачут.
Грусть же все острее...
Эка незадача...
Приезжай скорее.

Негромкое страдание лирического героя вызывает сочувствие именно потому, что данный персонаж страдает вполголоса, как бы «про себя». Может, мы бы и не узнали о его чувствах, не вздохни он чуть громче обычного, глядя на пламя свечи.

Но переживание переживанию рознь. Иной раз экспрессия такова, что опасаться за душевное состояние лирического героя, ибо оно весьма неустойчиво:

Ни на море мне и ни на суше
Нет спасенья — то шторм, то гроза,
Всюду взгляд, проникающий в душу...
Не срабатывают тормоза.

Сочинение лирических стихотворений обычно становится способом «отвести душу», высказать все то, что не передать прозой. Например, выразить то возвышенное настроение, в котором пребывает любящий человек. Любовь — это отдача энергии, это мощное и светлое чувство, которое приносит счастье:

Есть сто причин поверить в чудеса
И всеобъемлющей любви порывы,
Благодаря за это небеса,
И просто ощущать себя счастливым...

Леонид Резник Между до и после М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Если человек умеет быть благодарным, он умеет любить. Конечно, не каждый, кто говорит вам «спасибо», вас полюбит. Но если человек способен оценить, какой это дар свыше — любовь (пусть даже неразделенная), если способен от чистого сердца благодарить другого просто за то, что тот есть в его жизни, значит, этот человек может любить. Искренне, деятельно, одухотворенно. А иначе это все что угодно, только не любовь — так, привязанность, страсть, увлечение... Когда человек громко заявляет, что любит вас, но вы не чувствуете от него благодарности, стоит присмотреться повнимательнее — а вдруг любовью там и не пахнет?..

Благодарность — младшая сестра любви. Оба этих чувства мы ясно видим в стихотворениях Леонида Резника. Даже о несбывшейся истории отношений его лирический герой вспоминает с теплом:

Что потом? — станет ясно после:
Все наладится, все пройдет...
Ведь не вечно же длится осень,
Для весны будет свой черед...

И при расставании этот человек вел себя достойно, и разрыв отношений воспринимает с философским спокойствием. Любимый конец — это начало чего-то нового. Возможно, сложатся счастливые отношения, расцветет иная радость. Но расставание — тяжелый опыт для обоих, особенно для мужчины:

Я помню все до мелочей,
И перелистывает память
Страницы этих прошлых дней,
Всего того, что было с нами...

Самовыражение в русле лирической поэзии разительно отличается от суеты повседневности. Исповедальная поэзия облагораживает говорящего, отчего стихотворная речь льется плавно и спокойно, а у лирического героя нет претензий ни к миру, ни к возлюбленной, которая ушла, ни к собственному прошлому. Боль переплавляется в нечто большее — уникальный жизненный опыт:

Так с тех пор и продолжается —
Расставанья-встречи вновь и вновь...
Но узнали, что скрывается
За загадкой с именем Любовь.

Только светлая печаль остается в сердце. Здесь с особой силой выступает личностное начало поэта, недаром в строку вшивается заглавная буква. Читатель словно в легком замешательстве от того, насколько для автора важно главное слово. Оно аккумулирует в себе смысл жизни лирического героя, и, если честно, такое открытое самовыражение достойно одобрения. Сборник стихотворений Леонида Резника «Между до и после» — это маленькое откровение о том, что все имеет свое зарождение и свое окончание, но вот эти волнующие часы между крайними точками временного отрезка — и есть то, ради чего стоит жить.

Вера КИУЛИНА

«Финансист»? Знаем, конечно, отличный роман! Главный герой решает уехать в Чикаго, чтобы там осуществить несбывшуюся мечту — стать финансовым воротилой... Стоп-стоп, это из другого — одноименного романа, в котором действие происходит за океаном. У нас теперь свой «Финансист» имеется, и новый герой в суровых обстоятельствах. Автор этого эпического произведения — Леонид Подольский, действие происходит в новейшей российской действительности, речь идет о «смутном времени» — развале СССР и зарождении русского капитализма.

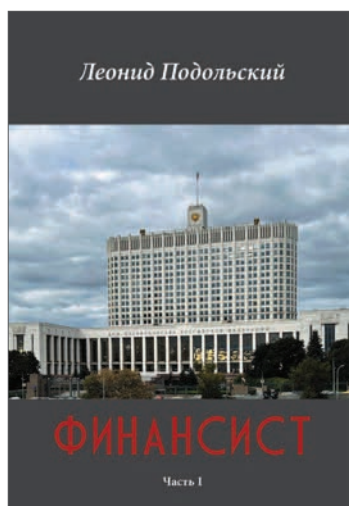
Авторская провокация удалась: так и хочется узнать, что за история развернется в России в 1992–1994 годах. Кстати говоря, полномасштабного произведения по мотивам развития постсоветской России до сих пор не было создано. А пора бы: поколение тридцатилетних знает об этих событиях только со слов своих родителей, дети «нулевых» часто понятия не имеют о том, почему противостояние у Белого дома в Москве закончилось трагедией. Да и нам, рожденным до подписания Беловежских соглашений, полезно перечитать, не для того, чтобы лишний раз воротить прошлое. А для того, чтобы с удивлением оглянуться назад: надо же, выжили, справились, детей подняли, а ведь слом эпох — время, интересное для литератора, но очень трудное для обывателя. Не зря древнекитайское проклятие звучит так: «Чтоб вам жить в эпоху перемен»...

Вспомнить придется многое. Двухтомный роман не получится «проглотить» за выходные. Эта книга написана обстоятельно. Автор подробно показывает приметы времени, и каждый, у кого есть капелька воображения, может себе представить размах притязаний стремительно формирующейся новой элиты: «Закончились курсы торжественным вечером в Доме туриста на Юго-Западе. Вручали дипломы финансовых брокеров, пили шампанское, водку и коньяк, заедая красной и черной икрой, устрицами и хамоном, импортными колбасами, сырами, бужениной, стол ломился от горячих и холодных закусок, от клубники, винограда и ананасов — большую часть продуктов доставили из валютного магазина, в обычных по-прежнему было пусто. То было, как громкогласно провозгласил президент "Марки" Павел Волоцкий, торжество новоиспеченной буржуазии, вернувшейся и победившей, на сей раз навсегда».

Молодое государство вступило в эпоху ничем не сдерживаемого, дикого капитализма. Сопровождалось это изряд-

Леонид Подольский Финансист.

М.: «Вест-Консалтинг», 2023–2024

ным скептицизмом: куда идем-то, что делать будем? Так, Игорь, главный герой романа, смотрит телевизор с недоверием, но его товарищ, куда более дальновидный, сурово изрекает: «Приватизацию не отменят. Это и х приватизация. Красных директоров. Покричат, поторгуются и сойдутся в цене. Советская власть кончилась». Статичная картина мира главного героя начинает рушиться.

Трансформации подвергаются как события, так и тот, кто о них повествует. Так, описывая механизм известной финансовой пирамиды, автор вкладывает в уста Игоря неподдельное сомнение в успехе этого дела: «Это что же, государственная пирамида? Если один выпуск гасить за счет другого, они же скоро перестанут приносить прибыль. Увеличивать размеры траншей до бесконечности невозможно. А что потом? Все обрушится? — он еще не знал слово "дефолт"». Однако позже Леонид Подольский упоминает, что Игорь не просто выкинул идею быстрого обогащения из головы, а «скорее, на время забыл» о ней. Сомневался в успехе, но присматривался: а вдруг получится? Что ж, вся страна этим «болела», как вспомнишь, так страшно становится от масштабов приватизации...

Дальше — больше. Намечается и осуществляется афера в медицинском кооперативе, где работает главный герой: «Вот тогда и заработала эта схема, которой Игорь очень гордился, "вечный двигатель с высокой оптимизацией": купив партию метандроستيенолона на "Акрихине", Игорь продавал ее за доллары или марки, большая часть валюты оставалась у него, другую же часть он обменивал у коммерсантов на безналичные рубли, за что те доплачивали двадцать пять процентов и всю эту сумму перечисляли кооперативу. Безналичные рубли снова шли на "Акрихин", и Игорь получал новую партию. По бумагам, Полтавский будто бы продавал коммерсантам стройматериалы, а закупал их у физических лиц». Схема понятная, прибыль гарантированная. Что из этого выйдет — сами понимаете...

Так начинали сколачивать капиталы, и в предлагаемых обстоятельствах это было едва ли не единственно верное решение, чтобы не умереть с голоду... Развивая сюжетную линию, автор попутно знакомит нас с исторической эпохой, что называется, «с полным погружением». Произведение, созданное на стыке романа и исторической хроники,

Окончание на стр. 7

ПОЭЗИЯ

Людмила КЛЕМЕНТЬЕВА
МОЙ ВЕК СТАЛЬНОЙ

Людмила Клементьева — поэт, прозаик. Член Союза писателей XXI века с 2024 года. Автор многих публикаций и книг: «Движение», 1994, Москва, издательство «Аслан»; «Знаки и Препинания», 2010, Москва, издательство «У Никитских ворот» (под псевдонимом Людмила Тимофеева). Живет и работает в Москве.

Ангелы летают,
солдатку поднимают.
Деточки у Бога,
а тебе дорога —
нянчить сиротинку
на вечный поминак.
Крестной тебе матери
долго доживать.

Ай, люли-люли,
Прилетели гули.
Ай, люли-люли,
будет вам, будет!

А крестной Катерине —
вечный покой.

2018

* * *

Нас долго молодость водила
и к сожаленьям привела,
на все четыре отпустила,
смежив стальные два крыла.
И усмехнулась, и ушла.

Мой век стальной иглой летящей
сшивает наспех лоскуты,
перемешав непреходящих
разновеликие черты.

В плаще с воротником высоким,
лицо не пряча от дождя,
перехожу через потоки,
не обернувшись, уходя.

Мой век стальной, какую прозой
твоя поэзия жива?
Где сталь в глазах, где яд вопросов,
ответы — ад, пусты слова,
где слитны слава и молва.

Сын промотавшийся, неверный,
придешь с тревожною мольбой.
Мой век стальной,
мой Двадцать Первый,
любимый мой.

2016

* * *

Эти мысленные стрелы,
эти ржавые ножи
улетают за пределы
полуправды, полулжи.

И зияют пустотою —
повстречавшись на лету.
Черный шум земного боя
переполнил пустоту.

Проливается слезами —
кровь на север и на юг.
Заливая кровью знамя,
меловой чертили круг.

«Ни слезинки, ни ребенка
ты, Свобода, не жалеи». —
Ангелу восплачут тонко
над каштанами Полей.

Только ангелы летают
и зовут по именам.
Плачет Дева Пресвятая.
И клубится Нотр-Дам.

2015

* * *

Русский город Бахмут
основан Русским Царем Иваном Грозным
в 1571-м году.

Бахмут. Священная война.
Сигают голуби с карниза.
А женщина сидит одна
И мелко крестит телевизор,
И шепчет, шепчет имена.

2023

* * *

Памяти крестной Екатерины

Ай, люли, люли!
Летели две пули.
Прилетели пули —
деточки уснули.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Окончание. Начало на стр. 6

знакомит читателя даже с такими неприглядными маркерами времени, как названия екатеринбургских преступных группировок, державших в страхе весь город. И если слово «разборка» молодежь еще понимает, то для расшифровки названий первых коммерческих банков Новой России, писателю приходится по ходу произведения давать обширные сноски. Удивительно, как удается автору, углубляясь в исторический экскурс, продолжать повествование: подробности передела государственной собственности частными лицами, фамилии, имена, экономические термины — все это затягивает читателя, а Игорь меж тем знакомится все с новыми и новыми предпринимателями... Перед нами медленно разворачивается масштабное историческое полотно, со сложным сюжетом и множеством событий. Роман-эпопея Леонида Подольского — это попытка исчерпывающего взгляда на историю новой России: ничего не забыть, ничего не упустить, показать жизнь такой, какая она есть. Яркое, живое изображение социальных катаклизмов заставляет читателя пожить: мама дорогая, в какое время довелось жить. И главному герою несладко: «Но ведь рэкетеры никуда не денутся. И он же отлично знает, что <...> нельзя доверять. Вообще никому нельзя».

Изображаемая действительность не вызывает у писателя радости. Размышления главного героя подчас тягостны. И читать их вдвойне тяжелее, когда знаешь: точно такие же невеселые думы одолевали в свое время родителей — как прожить день, если цены, отпущенные в «свободное плавание», растут час от часу? Отпуск цен являлся первым пун-

Леонид Подольский
Финансист.

М.: «Вест-Консалтинг», 2023–2024

ктом программы неотложных экономических реформ Бориса Ельцина, а дальше — массовые сокращения, безработица, бедность... Что же в итоге? Главного героя основательно потрепала жизнь: «А он сам? Он тоже сильно изменился и стал хуже. Стал более опытным и более мудрым, но он больше не любил людей. Он устал и разочаровался. Когда-то он прочитал, что бывшие идеалисты с годами становятся самыми яркими пессимистами, и что розовые очки такие люди со временем меняют на черные. Так вот, именно это с ним и происходило, и он не знал — надолго или навсегда? Правда, это не только с ним происходило: выживание никого не делает лучше». К сожалению, это правда. Сохранить себя как личность, не отказываться от высоких устремлений, продолжать любить жизнь, несмотря ни на что — это значит жить, а не выживать. Но такое под силу только человеку, имеющему твердую «систему координат» — мировоззрение, устойчивую жизненную позицию, а также смысл жизни — «стержневое» свойство личности, которую не сломают социально-экономические потрясения. У Игоря же, как сейчас говорит молодежь, «все сложно»: «Игорь больше не обольщался: он давно понял, что капитализм — не самая добрая система, а в постсоветской России — особенно. Он знал, что волчье время продлится еще долго. Но выбора не оставалось: нужно работать,

нужно начинать все сначала, идти на новый круг. Он мог надеяться только на себя». И это правильно, это единственно верная установка выжившего, которую Леонид Подольский транслирует нам через своего персонажа. Нет очарований — нет и разочарований. Не мы такие, жизнь такая. Эту книгу наверняка оценят как «дети девяностых», так и все те, кому безразлична судьба России, кто согласен с высказыванием Джека Таннера: «Ничто не могло бы больше дискредитировать капитализм, чем решение русских его испробовать».

Ольга ЕФИМОВА

ПОЭЗИЯ

ЯН БРУШТЕЙН
СТАРЫЙ ТРАМВАЙ

Ян Бруштейн — поэт, прозаик, художник. Родился в 1947 году в Ленинграде. Юность прошла в Пятигорске. Служил в армии, воевал в 1968 году на Амуре. Работал журналистом, преподавал в вузе историю и теорию изобразительного искусства. Кандидат искусствоведения. Участвовал в создании негосударственного телевидения, возглавлял крупный региональный медиахолдинг. Стихи печатались в журналах «Знамя», «Юность», «Волга», «Дети Ра», «Дружба народов», «Зинзивер», в различных сборниках. Автор многих книг. Живопись и компьютерная графика были представлены на семи персональных выставках. Живет в Иванове.

* * *

Какие смешные катили трамваи
По улице полупустой,
И злые ветра до утра подвывали,
Просились ко мне на постой.

Так вышло, что самую малую меру
Пришлось мне спасать из огня...
И если я крикнул бы граду к миру —
Кто нынче услышит меня!

Мой дом, словно детский бумажный кораблик,
Летит без руля и ветрил,
Не знаю, кому приготовлены грабли —
Я снова на них наступил.

Так будет: о самом плохом забывая,
К стеклу прислонюсь я щекой,
И снова поеду на старом трамвае,
Махнув на прощанье рукой.

* * *

Ах, какие девочки были в Пятигорске!
Вишни да черешни я им всем дарил,
И волшебных семечек золотые горсти,
Но слова любовные я не говорил.

Там была глазастая, всех на свете застила,
Я ходил по струночке, я читал стихи...
Как же парня взрослого это угораздило —
Не дала дотронуться даже до руки.

Жизнь прошла, как не было, наши внуки взрослые,
Что же этой поросли рассказать о том,
Как с казачкой юной я гулял под звездами
И мечтал, что только с ней свой построю дом.

* * *

И будет — утро зазвенит
И все навек переиначит,
И запоздалая удача
Крылом осенним осенит.

И будет час, как ночь вдвоем,
И тонкий лед затянёт лужи,
И все, что было — было хуже,
И называлось ноябрем.

А я поверю, что не зря...
Не зря... не зря...
И буду молод,
И на меня обрушит город
Последний холод декабря.

Войду, как прежде, налегке,
Случится то, что день назначит,
И запоздалая удача
Крылом ударит по щеке.

* * *

Определители звонков, и блокираторы замков,
И пара дюжих дураков спасут ли от отстрела?
Смешно поэту одному — ведь он не нужен никому!

И не дрожит в пустом дому его больное тело.

Конечно, я все это вру, и тихий омут — не к добру.
Поэту страшно на ветру безвременья, забвенья.
Вопит и корчится душа, и пусть в кармане ни гроша,
Но слушает он, не дыша, как умирает время.

Прости, ведь я лукавлю, брат: он стал прославлен и богат,
На пальце — камень в сто карат, и отдыхает в Ницце...
Но по ночам, испив вина, он знает, в чем его вина,
Обрывки строк лишают сна, и бьется он, как птица.

Ты вспомни, клоун ли, пророк, на крик ли, или говорок,
У перекрестка всех дорог мелькни недужной тенью...
Вот так и жил бы без затей, не ожидая новостей,
Среди зверей, среди детей. Но нет ему спасенья!

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

станном духовном делании человеку необходимо постоянно внутренне создавать и воссоздавать себя самого. Поистине это богатырский подвиг, идея которого неустанно проповедовал Лесков в своих творениях о праведниках земли русской. Их образы вырастают во всей своей духовной мощи в каждом лесковском произведении.

Открывая себя самого, писатель открывался навстречу Творцу, евангельскому благовествованию. Уже на склоне лет в письме к М. А. Протопопову от 23 декабря 1891 года Лесков размышлял: «я не знал: чей я? "Хорошо прочитанное Евангелие" мне это уяснило, и я тотчас же вернулся к свободным чувствам и влечениям моего детства... Я блуждал, и воротился, и стал сам собою — тем, что я есмь». Лесковские исповедальные слова утверждают мысль о всеприсутствии Божьего начала, которое каждый призван возвращать, культивировать в собственной душе: «но я любил моего Господина, и слышал в себе Его голос, и повиновался Ему. В эти только минуты я и жил отрадною жизнью и понимал, что значат слова "Ты во мне, и я в Тебе, и Он в нас". Во всей жизни только и ценны эти несколько мгновений духовного роста — когда сознание просветлялось и дух рос».

В этом смысле Лесков называл себя добропостроенным. Он писал редактору и издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину — своему «коварному, но милому благоприятелю»-предпринимателю: «я все работал и ни у кого ничего не сволок и не зажилил. <...> Я предпочел <...> остаться честным человеком, и меня никто не может уличить в бесчестном поступке. Слава Божью милосердию, сохранившему меня от диавола <...> Довольно и того, что я остался для знающих меня добропостроенным и честным человеком».

Одна из высших ценностей в христианской системе ценностей — непорочная совесть. Непрестанно хранить ее в чистоте — сродни подвижничеству: «Посему и сам подвигаюсь

всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян. 24: 16), — говорит апостол. На одном из фотографических портретов Лескова имеется следующий автограф: «Совесть — это наилучшая нравоучительная книга, которую мы имеем и с которой следует почаще советоваться» (1889 год). Очень «опрятный в душе человек» — таким был Лесков — писатель непорочной совести.

Совестливость, честность, прямодушие, «добропостроенность» — редкостные качества в «каверзливое время», когда, по свидетельству Лескова, жить «очень тяжело, и что ни день, то становится еще тяжелее. "Зверство" и "дикость" растут и смеются, а люди с незлыми сердцами совершенно бездельны до ничтожества». Но именно незаурядные душевные качества, честь, христианская совесть и честь помогали замечательному художнику русского слова совершать его писательский подвиг в эпоху «настоящего лукавого века» (Гал. 1: 4).

Некоторыми чертами характера: прямоотой, независимо-стью, честностью, неподкупностью, бесребренничеством — писатель пошел не только в деда, но и в своего отца Семёна Дмитриевича Лескова. Этими же чертами художник слова наделил своих героев-праведников. Таковы, например, «Овцебык», «Однодум», «Пигмей», «Несмертельный Голован», «Инженеры-бесребренники», «Левша», «Очарованный странник», «Человек на часах», «Фигура» и множество других.

В «Автобиографической заметке» Лесков вспоминал, что его отец «имел какое-то неприятное столкновение с губернатором <...> остался без места как "человек крутой"... Тогда мы оставили наш орловский домик, помещавшийся на 3-й Дворянской улице». Семья Лесковых вынуждена была пере-

браться из губернского Орла в уездное захолустье — на Панин хутор Кромского уезда. Здесь началось познание будущим писателем русской жизни и русского человека «в самую глубь». Это глубинное знание получило завершённое художественное выражение в создании всеобъемлющей картины жизни России. Как былинного русского богатыря Святогора, Лескова, по его словам, «тяготила тяга знания родной земли». Лесков воплотил в своих героях с их речью, мироощущением, душевными порывами все существенные особенности национального характера. Обладая редкостным художественным диапазоном, незаурядным по широте охвата явлений действительности, «насквозь русский» писатель сумел изобразить многокрасочную полноту мира.

Писатель-подвижник страстно и настойчиво искал истину. В художественном исследовании русской жизни Лесковым руководило «святое недовольство». Это свое неумное стремление к обретению истины писатель передал и близким людям, и нам, его читателям. Так, в 1892 году, обращаясь к своему приемному сыну Б. М. Бубнову, Лесков оставил завет не успокаиваться на пути постижения истины, служить ей верой и правдой: «"Кто ищет — тот найдет". Не дай Бог тебе познать успокоение и довольство собою и окружающим, а пусть тебя томит и мучит "святое недовольство"».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

«АХ, СЧАСТЬЕ МОЕ НЕЧАЯННОЕ!»

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ И ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ВИЛЛИМА МОНСА

Модники, вертопрахи, дамские угодники, искусившиеся в галантности и политезе, явились в нашей литературе в ту годину, когда Пётр Великий «поворачивал старую Русь к Западу, да так круто, что Россия доселе остается немного кривошейкою» (Д. Мордовцев. «Идеалисты и реалисты», 1878). Вот, к примеру, герой «Истории о храбром российском кавалере Александре» (первая четверть XVIII века) направляется в Европу вовсе не для чести и славы, а, как говорит он в минуту прозрения, «ради негодной любви женской». Кавалер сей предается бесконечным амурам, отчаянно музицирует (играет на «флейт-реверсе»), пишет куртуазные письма, сочиняет любовные вирши с неизменными Венерами и Купидонами, поет сладкоголосые арии. Все это — характерные приметы поведения щеголя, занявшего тогда не последнее место при российском Дворе.

Таковым был **Виллим Иванович Монс** (1688–1724), причем — о, теснота истории! — он приходился младшим братом известной Анне Монс (1672–1714), бывшей метрессе авторитарного Петра I, посмевавшей отвергнуть монаршую любовь и сочетаться браком с престарелым прусским посланником Георгом Иоганном Кайзерлингом (1679–1711). Но свое щегольство Виллим Монс проявит позднее, уже на пике впечатляющей карьеры. До этого же времени у него, сына скромного виноторговца из Немецкой слободы, был один-единственный костюм.

Напоминание о родстве с «неверной Монсихой» могло лишь навредить нашему герою, потому государеву службу ему пришлось начать, как это водилось, с самых низов. Фортуне Виллима немало споспешествовал генерал Родион Христианович Баур (1667–1717). Это он обратил внимание Петра на статного, красивого немца, так что юность Монса протекала под непосредственным наблюдением самодержца и в беспрестанных военных походах. Он сражался, как лев, и в бою под Лесным, и в Полтавской битве, где исправлял должность генерал-адъютанта. А когда шведы были отброшены к Переволочне, Виллим Иванович, выказав способности заправского парламентаря, вел с неприятелем переговоры.

Монарх возлагал на него самые ответственные поручения — так, юноша руководил дерзкой операцией по освобождению из плена командира казаков князя Митрофана Лобанова (1623–1703), и провел ее блистательно. Он бросался в самое пекло битвы, был отважным воином, обладал характером пылким и неустрашимым. Это нисколько не соответствует образу придворного паразита и пустельги, каким он выведен в телесериале Владимира Бортко «Завещание Петра Великого» (2011). Осенью 1711 года император, оценив его «добрые поступки», удостоил храбреца чином лейб-гвардии лейтенанта.

Назначение Монса камер-юнкером в 1716 году, а затем и камергером при Дворе Екатерины Алексеевны также было учинено по монаршему повелению. Вот как аттестует его Пётр: «Во всех ему поверенных делах с такою верностью, радением и прилежанием поступал, что мы тем всемилостивейше довольны были, и ныне для вящего засвидетельствования того, мы с особливой нашей императорской милости онаго Виллима Монса в камергеры всемилостивейше пожаловали и определили... И мы надеемся, что он в сем от нас... пожалованном новом чине так верно и прилежно поступать будет, как то бодрому и верному человеку надлежит».

Новоиспеченному камергеру вменялось в обязанность сопровождать государыню на ассамблеи, маскарады и куртаги; устраивать праздники и гуляния, столь ею любимые; вести корреспонденцию с поставщиками товаров для Двора; заведовать драгоценностями и денежной казной; руководить Вотчинной канцелярией. Но особенно хлебным и прибыльным делом оказался надзор за неотвязными прошениями на высочайшее имя, которым он, Монс, и только он, давал ход.

Шаг за шагом молодой царедворец приобретал все большее влияние на Екатерину, а та, ему послушная, действовала и на Петра. Кредит камергера рос и возрос до столпов геркулесовых — и вот уже сильным и незаменимым стал при Дворе этот «бодрый человек», ибо все знали: уж коли Виллим Иванович постарается, все будет исполнено «в аккурат точно» и без проволочки. «Вокруг Монса, — пишет историк Михаил Семевский, — группируется огромная партия, которая из эгоистических целей оберегает его, как зеницу ока». С низжайшими просьбами (и уж, конечно, с дарами и знатными подношениями) к «верному» Монсу прибегают и челом бьют многие, в том числе и «птенцы гнезда Петрова», люди именитые и чиновные. Перед ним заискивают и светлейший князь Александр Меншиков (1673–1729), и наш резидент в Берлине Михаил Головкин (1699–1754), князь Алексей Черкасский (1680–1742), Никита Трубецкой (1699–1767), Михаил Белосельский (1702–1755); Пётр Толстой (1645–

1729), Артемий Волынский (1689–1740), который, между прочим, слал Монсу в подарок два «перука» и около дюжины чулок, и даже сама вдовствующая царица Прасковья Фёдоровна. Ласкателям безродного немца несть числа.

Какими только эпитетами, какими громкими титулами его не величают — и «Высокоблагородный патрон», и «Ваше премилосердное Высочество», и «Сердечный наивернейший друг и брат», и «Высокографское сиятельство». И вот уже Виллим Иванович не довольствуется доставшейся ему от отца фамилией. А потому он стал уже зваться не «Монс», а «Монс де ла Кроа», ведя свою генеалогию будто бы из Франции или Фландрии. Понятно, что он блефовал, ибо историки точно установили: семейство это худородного происхождения вестфальского, и его притязания на звание галльских дворян неосновательны. Но как же хотелось ему слыть «природным аристократом»! Может статься, не давали покоя камергеру лавры сына конюха, светлейшего князя Александра Меншикова, объявившего себя отпрыском «самой благородной фамилии».

А прошения и челобитные все множились — они летели к Виллиму Ивановичу от Москвы до самых до окраин — из Астрахани, Черкаска, Казани, Сибири, Гельсингфорса, Выборга, Ревеля, Митавы, Риги, а то и от посланников наших и купцов иноземных, что в Вене, Гамбурге, Стокгольме, Париже, Лондоне обретались. Обширность корреспонденции вызвала необходимость образовать целую канцелярию, в коей заправлял делами специально отряженный столоначальник, Егор Столетов (1706–1736). В его подчинении состояло несколько кувшинных рыл. Они-то и читали поступавшие депеши, экстракты из них составляли: ведь разобраться в этом чернильном море — дело зело кропотливое да и деликатности требовало. Между прочими ходатаями находим и генерал-прокурора Сената Павла Ягужинского (1683–1736), того самого, который в сердцах признался Петру: «Государь, все мы ворует, все, только одни больше и приметнее других».

Надо признать, самым «приметным» казнокрадом той поры Виллим Иванович вовсе не был (если сравнить его стяжательство с аппетитами «полудержавного властелина» Меншикова или же сибирского губернатора князя Матвея Гагарина (1659–1721), то оно покажется сущей безделицей). Тем не менее, не трудами праведными нашол он палаты каменные в Петербурге и Москве да и знатные надель земельные, к коим благоволившая к нему Екатерина прибавляла все новые. Не на камергерское ведь жалованье обзавелся он сонмом челяди и слуг. А откуда взялись в его конюшнях несколько дюжин рысаков и скакунов редких пород — поди как из-за кордона выписаны!

Жил Монс безалаберно, но — на зависть другим! — как-то вольготно, со вкусом. Скарденостью не отличался, и водившиеся у него деньгижи с легким сердцем просаживал за карточным столом, в хмельных компаниях и шумных застольях, до которых был так охоч. «Это была взбалмошная, поэтическая натура, способная на всякие увлечения, достаточно легкомысленная», — говорит историк. И еще: «Там, где появлялся Монс, вспыхивало веселье, раздавались смех, шутки».

Впрочем, в одном пункте он был на диво целеустремленным и педантичным — добивался и добился того, что стал обладателем самой богатой и модной одежды в России. Вообще, внешности, убору он уделял огромное внимание, часами занимаясь собственным туалетом. При этом изоощрялся, как мог — носил туфли с изображением Спасителя, украшал себя жемчугами, надевал то синий, то фиалковый парик. И даже своего крепостного человека отдал на обучение мастеру «паричного

дела». «Полюбуйтесь, каким стройным щеголем выглядитает он, — читаем в одном историческом сочинении, — кафтан доброго бархата с серебряными пуговицами обхватывает стройный стан. Кафтан оторочен позументом; на ногах шелковые чулки и башмаки с дорогими пряжками; под кафтаном жилет блестящей парчи, на голове щегольски наброшенная пуховая шляпа с плюмажем; все это с иголочки, все это прибрано со вкусом». А согласно описи его гардероба, у Монса насчитывали «камзол черной с бахромою», «пара кофейная, петли метаны серебром», «26 пуговиц, алмазных, в каждой пуговице по одному алмазу», «бешмет желтой с позументами серебряными», «душегрейка полосатая на лисьем меху», «два кружева серебряных на шляпы» и т.д. — всего 160 наименований. Помимо щегольских платьев, сюда включены ценные ткани, утварь, безделушки и прочие предметы роскоши.

Но если свои многочисленные наряды Монс дерзко выставлял напоказ, его любовные приключения, напротив, были скрыты от досужих глаз. И хотя Виллим Иванович обладал манерами Дон Жуана, а его куртуазное поведение обнаруживало рафинированного эстета, подобно рыцарю, который должен хранить тайну сокровенной любви и служить тем самым даме сердца, свои амурные похождения он держал в строгой тайне. «Любовь может принести огорчение, если откроется, — говорил он, — К чему знать, что два влюбленных целуются?»

Достоверных изображений Монса до нас не дошло, тем не менее, иные писатели изображают его наружность весьма натурально, не скупясь на «точные» детали. «Белорозовый, сладкоголосый Монс имел внешность херувима, — живописует Даниил Гранин в своем сочинении «Вечера с Петром Великим» (2001), — пухлые губы, тугие щеки, голубые глазки, аппетитно-сдобный батончик, душка». Другой литератор аттестует его «женственно-красивым камергером».

Не знаем, в самом ли деле Виллим Иванович походил на женоподобного херувима (ведь в военных баталиях он как раз проявил свою мужественность). А вот в том, что женщины занимали в его жизни весьма значительное место, сомневаться не приходится. Неслучайно его называли «вечно влюбленным». И то был не грубый ловелас — во всех своих амурных делах он был нежным романтиком, хотя нередко ухаживал одновременно за несколькими красавицами. Эту «способность быть любовником всех дам», которую культурологи назовут характерной особенностью щеголя-петиметра, не исключала, однако, рыцарского служения каждой из них.

Он внимал только голосу сердца и не думал о последствиях. Предметом обожания Монса были и княгиня Мария Кантемир (1700–1757), и злополучная, впоследствии казненная Мария Гамильтон (—1719), и угодливая Анна Крамер (1694–1770), и бойкая, языкаястая Авдотья Чернышева (1693–1747). А ведь Виллим Иванович ведал, не мог не ведаť (весь Двор только о том и судачил), что некоторые из этих дам в прошлом с самим государем любовные шашни водили, а тот (это тоже всем вестимо было) не терпел измен даже бывших фавориток. А уж как крут и на расправу скор был Пётр Алексеевич! Может статься, этот фактор опасности придавал романам нашего камергера особую пикантность и остроту.

Впрочем, не сильно страшился Монс, вероятно, еще и потому, что был фаталистом и верил во власть потусторонних сил. Как отметил профессор Юрий Лотман, переплетение европеизма и суеверия, вера в приметы было характерно для культуры той эпохи. Это относится не только к рядовым личностям, но и к самому Петру Великому, который был воспитан в духе уважения к астрологии, был порядочный суевер и заказывал себе гороскопы. И наш Виллим то и дело прибегал к услугам гадателей, хиромантов, колдунов, астрологов. (К слову, такого рода влечение было семейной чертой семейства Монсов — известно, что у Анны, его сестры, были найдены бумаги с магическими формулами и заклинаниями.)

Но замечательно, что сохранившаяся гадательная книга, переписанная рукой нашего Монса, пророчила ему победы именно на любовном поприще: «Будешь иметь не одну, но несколько жен различного характера; будешь настоящий волокита, и успех увенчает эти волокитства». И, наверное, не с чем иным, как с желанием преуспеть в волокитстве связаны его поиски «некоторой травы, которая растет на малой горе, красноголовой, с белыми пятнами, и другой, с синими пятнами, которая растет на песку». Имеются свидетельства, что он носил на пальцах четыре кольца: золотое, свинцовое, железное

Продолжение на стр. 10

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Продолжение. Начало на стр. 9

и медное. Они служили ему талисманами; причем, золотое кольцо означало любовь.

Сердце любвеобильного камергера имело не одну владычицу, и в каждой из них он возбуждал острую ревность. Вот будучи в Курляндии, он настолько обаял вдовую герцогиню Анну Иоанновну (впоследствии императрицу), что вынужден был оправдываться перед прежней своей пассией: «Не изволите за противное принять, — увещевал он ее, — что я не буду к вам ради некоторой причины, как вы вчера сами слезы видели; она чает, что я амур с герцогиней курляндскою имею. И ежели я к вам приду, а ко Двору не пойду, то она решит, что я для герцогини туда пришел». Впрочем, всех своих метресс он величал прекрасными дамами и для каждой находил слова самые нежные и проникновенные. До нас дошла интимная «коррешпонденция» нашего ловеласа. «Здравствуй, свет моя матушка, — обращается Виллим Иванович к некоей неизвестной зазнобе "слободским письмом" (то есть, по-русски латинскими буквами), — ласточка дорогая, из всего света любимейшая; винность свою приношу, для того, что с Вами дружны были; да прошу, помилуй меня тем, о чем я просил». А вот другая цидулка: «Сердечное мое сокровище и ангел, и Купидон со стрелами, желаю веселого доброго вечера. Я хотел бы знать, почему не прислала мне последнего поцелуя? Если бы я знал, что ты неверна, то я бы проклял тот час, в который познакомился с тобою. А если ты меня хочешь ненавидеть, то покину жизнь и предам себя горькой смерти... Остаюсь, мой ангел, верный твой слуга по гроб».

В куртуазной любви наиболее ценной в социальном смысле была слава, достигаемая поэтом, воспевающим свою любовную добычу — даму и чувства к ней. В стихотворстве упражнялся и Монс, облакая сентиментальное чувство в форму галантных виршей. Опусы в эпистолярном жанре он посылал дамам сердца. И не беда, что у этого немца были слабые познания в русской грамматике. Любовные сочинения Монса отличались небывалой легкостью. Писал он стихи и на немецком языке и посылал их императрице, с которой его объединяло внимание к европейской моде и неукротимая тяга к роскоши.

Академик Александр Панченко аттестовал произведения Монса как стихи элегического поэта-дилетанта. «Очень важно, — напоминает ученый — что теория допускает появление музыки в элегии, а стихотворная продукция XVII — первой половины XVIII века была не столько "говорной", декламационной, сколько поющей». Монс исполняет чувствительные нежные романсы, к коим сочиняет и музыку, проводит долгие часы за подбором рифм к какому-нибудь «ненаглядному Купидону» или «ангелу души». Страсть, романтический вечер, раненое сердце — все это давало материал к сентиментальному посланию. Так слагаются чувствительные куплеты на немецком языке: «Ничего нет вечного в свете, но та, которую люблю, должна быть вечна... Мое сердце с твоим всегда будет едино!.. Моя любовь — мое горе, так как с тобою я редко вижусь... Куда исчезла моя свобода? Я сам не свой, не знаю, зачем стою, не знаю, куда иду... Какую силу назначила мне судьба народов? Начатое мною заставляет надеяться... Но к чему послужат мои речи, мои жалобы? Я волнуюсь: то думаю, что сбудется мое желание, то вновь сомневаюсь».

В архиве камергера сохранился стихотворный текст «слободского письма», датированный 1724 годом:

Ах, что есть свет и в свете, ах, все противное;
Не могу жить, ни умереть! Сердце тоскливое,
Долго ты мучилось! Нет упокая сердца,
Купидон, вор проклятый, вельми радуется.
Пробил стрелою сердце, лежу без памяти.
Не могу я очнуться и очима плакати.
Тоска велика, сердце кровавое,
Рудюю запеклося и все пробитое.

Лирическое излияние исходит здесь от возлюбленной. Это заставило литературоведа Александра Позднеева усомниться в авторстве Монса и отнести произведение к сочинениям «неизвестной поэтессы Петровского времени». Однако от имени женщины писаны многие элегии и песни XVIII века, «мужское» авторство которых установлено. Кроме того, очевидно, что создатель текста не был носителем русского языка как родного. В этом нас убеждают и нарушения законов русской просодии, и небрежение к требованию точной рифмы, установившееся в русской силлабической поэзии с конца XVII века. Потому, думается, прав академик Владимир Перетц, когда рассматривает сей текст в ряду «песенок литературного искусственного склада, обличающих своим стилем, расположением содержания те же приемы сентиментального немецкого творчества, какие мы констатировали в несомненных творениях Монса». Как и другие его сочинения, эту песню отличает подчеркнутая сентиментальность, чувствительность, что вообще свойственно первым нашим элегиям и песням.

Другая песня «Ах, бедная, ах, что я думала» построена в форме диалога двух влюбленных, объявляющих друг другу о верности и постоянстве. Вслед за признанием женщины (первые строфы) следует монолог «милого»:

Радуюся, что сердцо верная
Я себе получил
И всеи тоски отбыл.
Радость моя неизреченная,
По век я своим почту твое сердцо верное.

Этот дуэт, по-видимому, и пелся на два голоса.

В другом стихотворении Монс остроумно обыгрывает образ «светила», восходившего к культуре Возрождения и традиционно соотносившегося в немецкой барочной поэзии с прекрасной дамой. Однако апеллирует стихотворец к чувствам, что позволило историку Михаилу Семевскому определить жанр произведения как «сентиментальное послание»:

Вы, чувства, которые мне
Одно несчастье за другим причиняете,
Вы указываете, вы мне восхваляете
Красоту моего светила!
Оно, светило это, мне улыбнулось,
Но вы же, чувства, его затемняете...
Но я же должен думать, что все мое огорченье
Предопределено, — так бывает в свете.

Достоин внимания и то, что Виллим Иванович, будучи завсегдатаем ассамблей, слагал задравные стихи, которые пелись, сопровождаемые игрой на мандолине:

Пей, пей чару до конца,
Пусть ни капельки винца
Не останется.
Пили предки наши встарь,
И теперь пьет русский царь,
Пьет и не туманится.
Пей же с ним и весь народ
Без устанки круглый год.
Будут пусть все шумными,
И пусть громко в шумстве том
Похваляемся царем,
От вина став умными.
Пусть все помнят на Руси,
Что кому ни подноси,
Всякий выпьет хмельного.
И весельем возгоря,
Будем славить вновь царя.

Поэтическое творчество Монса не было обойдено вниманием российских литературоведов. Помимо приведенной выше оценки академика Владимира Перетца, отметим Александра Архангельского, назвавшего Монса «едва ли не самым ранним представителем нашей любовной лирики». По словам же Алексея Веселовского, он — поэт-виршеписатель, перенесший в русский обиход «любовную лирику протестантской Европы». Александр Пыпин характеризовал стихи Монса как «чувствительные». Анализ его поэзии содержится и в трудах Павла Сакулина. Тем более странно, что непосредственно Виллиму Монсу не нашлось место в словарях русских писателей, изданных в последнее время...

О том, как воспринимали стихотворные опусы Монса его современники, дамы и особенно полуграмотная Екатерина Алексеевна (изъяснявшаяся по-немецки лучше, чем по-русски) — достоверных сведений нет. Видно, однако, что стихи сии льстили ее самолюбию. Уж очень сильно отличался этот политичный камергер от мужского окружения монархини — людей сугубо практического склада, весьма далеких от стихотворства и утонченной куртуазности. («Пётр и поэзия — это понятия совершенно противоречащие», — заметил историк Михаил Богословский. Добавим, что из всей музыки царь воспринимал лишь барабанный бой.)

Монс открыл этой коронованной «портмое» (прачке) новый мир чувств, доселе ей неведомый. От грубоватой фамильярности Петра, приправленной циничными шутками, до рыцарского почитания ее, прекрасной дамы-повелительницы, каким окружил ее Виллим Иванович, — дистанция огромного размера!

Несомненно, она по-своему любила и ценила супруга, который ее, «Золушку», возвысил и короновал — позади были многие лета испытанной и тесной дружбы. Но и сносила она при этом многое — а главное то, что в чувстве Петра к ней не было не то что деликатности, но и малейшего уважения. Он любил ее любовью собственника — как любят лошадь или собаку: можно приласкать, а можно и отстегать. Время от времени монарх указывал на подобающее ей место — награждал пощечинами, а то и потчевал кулаком. И, конечно, она не забыла ту безобразную сцену, там, в Берлине, в 1718 году, где они с Петром в сопровождении иноземной свиты обходили выставку медалей и статуй античных. Внимание царя привлек тогда древнеримский божок с непомерно большим детородным органом (такие ставили некогда перед брачным ложем). Пётр захохотал и в присутствии всех стал заставлять ее поцеловать фаллос этого божка.

«АХ, СЧАСТЬЕ МОЕ НЕЧАЯННОЕ!»

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ И ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ВИЛЛИМА МОНСА

Смущенная, она стала противиться. Тогда рассвирепевший монарх схватил ее за шею и силой принудил разжать челюсти и захватить губами мраморный член. И все это он сопровождал грубыми площадными ругательствами — нет, не по-русски, а на смеси голландского с немецким: чтобы иностранцы поняли!

Сохранилась пространное письмо, писанное Монсом опять-таки на «слободском языке» и адресованное некой именитой даме. Как видно, сочинено оно была «при дому Катерины Алексеевны», а потому — и сомнений в этом нет — оно и адресовано русской императрице. «Здравствуй, моя государыня, — обращается камергер к ней, которую называет "светилом", — кланяюсь на письмо и на верном сердце Вашем. И как я прочел письмо от Вашей милости присланное, то я не мог удержать слез своих от жалости, что Ваша милость в печали пребываешь и так сердечно желаешь письма от меня к себе. Ах, счастье мое нечаянное!.. Я плакал о том, что Ваше сердце рудой (кровью) облилось... Ах, печальны мне эти вести от Вашей милости, да и печальнее всего мне то, что Ваша милость не веру держишь, и будто мое сердце в радости, а не в тоске по Вашей милости, так как сердце Ваше, в письме дано знать, тоскливое. И я бы рад писать повседневно к Вашей милости, только истинно не могу и не знаю, как зачать писать с великой любви и опаси, чтоб не пронеслось и людям бы не дать знать наше тайное обхождение. Да прошу и, коли желаешь, Ваша милость, чтобы нам называть друг друга "радостью", то мы должны друг друга обрадовать, а не опечалить. Да и мне сердечно жаль, что Ваша милость так тоскуешь и напрасно изволишь молодость свою поработить. Верь, Ваша милость; правда, я иноземец, так правда и то, что я Вашей милости раб и на сем свете верный Тебе, государыне сердечной. А остануся и пока жив, остаюсь в верности и передаю сердце свое [далее следовало изображение червонного значка, пронзенное с двух сторон стрелами — **Л.Б.**]. Прими недостойное мое сердце своими белыми руками и подсоби за тревогу верного и услужливого сердца. Прости, радость моя, со всего света любимая!»

Примечательно, что во время «тайного обхождения» Монса и императрицы, между ней и Петром I тоже велась оживленная и шутливая переписка. То была своеобразная игра псевдонеравной пары — старика, жалующегося на нездоровье, и его молодой жены. Император любил пошутить о своей старости и ее ветрености, но она всегда отвечала шутками, игривыми намеками, говорящими о полной гармонии их интимных отношений. Но и со стороны Петра это была только игра в ревность. На самом деле «свет Катеринушка» пользовалась у него безграничным доверием.

Но таковую семейную идиллию императорского семейства, равно как и положение «бодрого» камергера, нарушило, в прах обратило подметное письмо на Высочайшее имя. Оно-то и раскрыло глаза самодержцу на особые «внеслужебные» отношения между Монсом и Екатериной. В качестве доказательства были приложены те самые предерзостные цидулки, что рассылал наш камергер. И хотя имя дамы — их адресата — названо не было, у императора едва ли возникли сомнения на этот счет. Историк-публицист Лариса Васильева рисует более живописную картину: «Жива легенда. Петра предупредили анонимкой. Показали Екатерину с Монсом лунной ночью, в беседке».

Согласно литературному преданию, Екатерине привиделся тогда сон, будто ее постель вдруг закишела змеями, ползавшими во всех направлениях. Одна из них, отвратительная и самая большая, бросилась на нее, обвила ее кольцами и стала душить. Та защищается, борется с гадиной и, наконец, сама душит ее. Тогда и прочие мелкие змеи поспешно скатываются с постели. То было за две недели до падения ее возлюбленного фаворита. Екатерине объяснили этот сон так: ей будут грозить большие опасности, но она, в конце концов, выйдет из них невредимой. Действительность подтвердила такое истолкование.

9 ноября 1724 года осведомленный голштинский камер-юнкер Фридрих Берхгольц сообщал: «Арестование камергера Монса тем более поразило всех своей неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при Дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревая и тени какой-нибудь немилости. В чем он провинился — покажет время»...

Время летело стремительно быстро. Следствие закончилось уже 15 ноября, причем роль тюремщика и следователя взял на себя сам Пётр. Сказывают, что при первой же встрече с императором Монс упал в обморок и, боясь пыток, готов был согласиться с какими угодно обвинениями. Историк Виктор Белявский говорит о неких «признаниях» камергера, которые «взбесили Петра», однако считает, что «он все же не бросил тень на императрицу и не выдал своей повелительницы». И в этом может быть усмотрена определенная культурная позиция, а именно — присущее Монсу рыцарское начало.

Да и у Петра хватило ума не выносить на суд общественности действительные причины дела, а в качестве вины Монсу вменялось получение подношений и взяток, предоставление мест на казенной службе, а также присвоение оброка

Окончание на стр. 11

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 9

с деревень, входивших в Вотчинную канцелярию императрицы. Вместе с проштрафившимся камергером «за плутовство такое» наказанию подверглись его помощники (царь заподозрил, что они покрывали его амурные шашни с женой): это сестра Монса, статс-дама Матрёна Балк (–1725) (не спасло несчастную даже то, что в прошлом она была метрессой царя), подьячий Егор Столетов, а также легендарный петровский шут Иван Балакирев (1699–1763). Впрочем, всем подельникам Монса была дарована жизнь.

В ночь накануне казни Монс писал стихи на родном ему языке. Вот их перевод: «И так любовь — моя погиль! Я питаю в своем сердце страсть: она — причина моей смерти! Моя гибель мне известна. Я дерзнул полюбить ту, которую должен бы только уважать. Я пылаю к ней страстью... Свет, прощай! Ты мне наскучил. Я стремлюсь на небо, туда, где истинная отрада, где истинная душа моя успокоится. Свет! На тебе лишь вражда и ссора, пустая суета, а там — там отрада, покой и блаженство».

16 ноября в 10 часов утра перед зданием Сената на Троицкой площади состоялась казнь Монса. Камергер двора, бывший любимец императрицы, известный сердцем, теперь бледный и изможденный, в нагольном тулупе стоял на эшафоте. Он проявил при этом завидную твердость. Выслушав приговор, Виллим Иванович поблагодарил читавшего, простился с сопровождавшим его пастором, которому отдал на память золотые часы с портретом Екатерины, затем разделся, попросил палача скорее приступить к делу, и лег на плаху. Палач поторопился... Через несколько минут голова щеголя смотрела с высокого шеста на народ; из-под нее сочилась кровь...

А что Екатерина? Она выказала при этом испытании мужество, в котором было что-то ужасающее. В тот день она казалась необыкновенно веселой, а вечером позвала дочерей с их танцмейстером и разучивала с ними па менуэта. Но как сообщал в Версаль посол Жак де Кампредон, «ее отношение к Монсу было известно всем, хотя государыня всеми силами старается скрыть свое огорчение...».

На другой день царская чета проехала на санях мимо эшафота, где было выставлено тело Монса. Платье императрицы коснулось его. Но Екатерина не отвернулась и продолжала улыбаться, бросив небрежно: «Как грустно, что у наших придворных может быть столько испорченности!»

«АХ, СЧАСТЬЕ МОЕ НЕЧАЯННОЕ!»

КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ И ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ВИЛЛИМА МОНСА

Но Пётр все не унимался — он подверг неверную супругу новому испытанию: приказал положить голову казненного в сосуд со спиртом и выставить его в покоях императрицы. Екатерина и здесь сохранила полное спокойствие. Тогда разъяренный царь одним ударом кулака разбил в ее присутствии великолепное венецианское зеркало с возгласом:

— Так будет с тобой и твоими близкими!

Императрица возразила, не обнаруживая и тени волнения:

— Вы уничтожили одно из лучших украшений вашего жилища; разве оно стало от этого лучше?

Историки говорят тем не менее о «многозначительном» примирении между Петром и Екатериной 16 января 1725 года, в ходе которого она «долго стояла на коленях перед царем, испрашивая прощения всех своих поступков». Однако, думается, что после адюльтера с Монсом Пётр потерял доверие к жене, а потому не воспользовался правом назначать себе преемника и не довел акт коронации Екатерины до логического конца. Измена жены страшно на него подействовала и, несомненно, укоротила ему жизнь.

Екатерина, надо сказать, вела себя столь непринужденно и естественно, что иные историки вообще ставят под сомнение сам факт ее измены Петру. В доказательство обычно приводят процитированные выше слова императрицы об испорченности придворных. Однако есть основания сомневаться в искренности этих слов: ведь как только ушел в мир иной главный обвинитель процесса — Пётр, все «испорченные придворные», проходившие по делу Монса (Балк, Столетов, Балакирев), были не только освобождены, но и обласканы императрицей — осужденные за взятки, они получили назад все свое имущество.

Монса же злоключения не оставили даже после смерти. Свыше полвека спустя его голову, заспиртованную некогда по приказанию Петра, обнаружила в Кунсткамере Президент Российской Академии княгиня Екатерина Дашкова (1743–1810). Хотя голова камергера больше месяца провисела на колу под дождем и снегом, она сохранила притягательные черты бывшего сердцееда. Как об этом пишет Юрий Тынянов в романе «Восковая персона» (1931), «можно еще было распознать, что рот гордый и приятный, а брови печальные». Княгиня доставила находку к императрице Екатерине II,

и после долгого осмотра было решено захоронить эти останки в тайном месте. Тело же Монса было погребено в подвале Зимнего Дворца Петра (ныне там стоит Эрмитажный театр). Со времен Петра живет легенда о безголовом привидении Монса, которое бродит по подвалам в поисках своей головы...

В русской истории Виллим Монс оставил, однако, вполне осязаемый след. И не только потому, что вращался в высших придворных сферах и повлиял неволью на судьбы Дома Романовых. Он знаменовал собой появление в России нового культурно-исторического типа. Его повышенный интерес к дамам, внимание к собственной внешности, изысканные манеры и куртуазное поведение (включающее сочинение и исполнение галантных песен и стихов) станут характерными чертами щеголя-петиметра, укоренившегося в России к середине XVIII века.

Однако, говоря о Виллиме Ивановиче как о «типичном представителе», некоторые исследователи и логику его поступков пытаются объяснить, исключительно исходя из базовых приоритетов щегольства. Происходит некая унификация, при которой индивидуальное, живое начало исчезает. Так, американский историк Роберт Мэсси видит причину романа Монса с Екатериной в том, что тот, как истый вертопрах, был будто бы одержим неукротимым желанием овладеть именитой дамой. «Следуя традиции смелых и дерзких авантюристов, — пишет Мэсси, — он желал закрепить свой успех, покушаясь на супружеские права самого императора». Между тем, немногие сохранившиеся о нашем герое сведения позволяют говорить о нем как о романтике, искреннем во всех проявлениях, человеке, способном неизменно восторгаться красотой, как о вечно влюбленном — во всех своих дам. И влюбленность эта одушевляла его жизнь, питала его творчество и... привела на эшафот. «Печально, если человек, проникнутый чувством дружбы и нежными влечениями сердца, делающими его любимцем прекрасного пола, не умеет владеть преступными увлечениями... и он, вследствие влияния своих нежных чувств, становится кровавой жертвой мстительной ревности», — заключает писатель XVIII века. «Тоска велика, сердце кровавое».

Лев БЕРДНИКОВ

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Софья Оранская

Летопись Любви: Красное-и-Белое

М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Стихотворения **Софьи Оранской**, представленные в ее новой книге, как всегда, преисполнены ярких переживаний. Лирическая героиня поэтессы не стесняется распахнуть душу перед читателями, не боится, что ее душевные порывы будут истолкованы превратно. Она говорит в полный голос, обращаясь прежде всего к тем из нас, кто ей созвучен. Для этой эффектной женщины любовь земная в самом жгучем ее проявлении, любовь-страсть — вершина человеческого счастья:

Куда же выше?! Я — уже...
Стою с тобой на той меже,
То ль наяву, то ль в этих снах?
И под дождем — прибитый прах.

Образ дождя выразителен: вода посылается свыше для очищения и обновления жизни. С незапамятных времен это событие трактуется как добрый знак. Он смывает старое и разворачивает перед человеком новое. Дождь способен поменять к лучшему не только землю, но и нашу жизнь. А с появлением в жизни женщины яркого чувства остальные моменты, более «земные», уходят на второй план. До «праха» ли тут, когда сила влечения затмевает разум:

И чувствую тех рук дыханье,
тот стон, тот плач, тех глаз «Молю!»...

Мне кажется, любая женщина была бы счастлива, услышав такое. И сказано все это с обезоруживающей прямоотой. Авторское предисловие, кстати, настраивает читателя на очень откровенный разговор о страсти, поэтому данное откровение не становится неожиданностью. Смелость и лиричность высказывания — основное достоинство авторского стиля. Лирическая героиня Софьи Оранской не только не ханжа, когда дело касается чувственного аспекта любви, но и в чисто духовном стремлении к единству с любимым человеком будоражит читательское восприятие. К нам приходит понимание: любить страстно — это с удивлением обнаруживать в себе эмоции такой силы, о которых и помыслить-то ранее не доводилось:

Белые розы... уколом обиды.
Белые розы... словно тот лед.
Белые розы... Те-двери — открыты!
Белые розы: нас Ангел ведет

Белый, — в круг верных высоких соцветий,
Верь указаниям белой руки!
Белые розы рвут черные сети!
И выплывают в моря корабли!..

На языке цветов белая роза означает чистоту, верность и духовное просветление — состояния, присущие возвышенной и высокой любви. Белые розы — традиционный цветок свадебного букета, и его появление в стихотворении сигнализирует, как важны для женщины данные отношения. Это повторение-заклинание, настойчивое упоминание белизны многократно усиливают переживание лирической героини.

Поэтессе не чужд и поиск новых форм, который выливается в напряженную игру с формой и звуком, как в стихотворении «Колдунья»:

Меня в Себе Ты по-
гло-
щ-щ-щ-ал...
Убить под утро обе-щ-щ-щ-щ-щ-щ-щ-ал.
И ничего еще не знал.
Я — знала: (Ты, уставший, спал)
зачем и как сюда попал.

Шипение — неприятный звук, предупреждающий об опасности. Буква «щ», с помощью которой передается нарастающее напряжение, за счет своего хвостика, визуально тяготеет к земле, как бы укореняется в ней. Проведем прямую аналогию — и увидим, чем могут закончиться плотские наслаждения и как изящно звучит авторское предостережение: физическая любовь чревата последствиями и преподносит немало страданий. Но природа страсти такова, что она и возносит на вершину блаженства, отключая рассудок. И пусть вас не обманывает стилистически возвышенная лексика:

Я знаю: видела уже, —
так мы стояли на меже,
на перекрестке (нежен-груб!)
двух восходящих в Космос ГУБ!

В новой книге Софьи Оранской, русской поэтессы, с середины 1990-х гг. живущей в Париже, любовь-страсть преподносится читателю с чисто французской элегантностью, как нечто неповторимое, уникальное, а потому — завораживающее. Да, это не слишком-то скромно, но это и не причина, чтобы отказываться от приятного чтения. И как жаль тех, кто уверен, что страсть — всего лишь биохимическая реакция организма. Неправда. Это еще и повод для вдохновения, из которого рождаются книги, полные энергии, написанные «с огоньком», а значит — заряжающие читателя жаждой жизни.

Вера КИУЛИНА

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более

1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

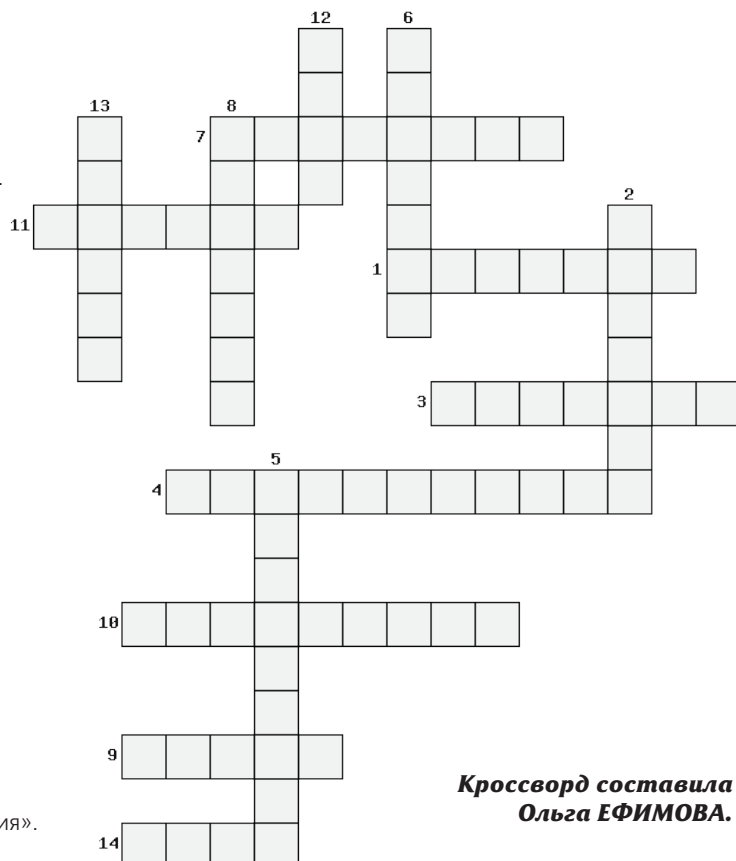
По горизонтали:

1. Автор романа «Лезвие бритвы».
3. Автор романа «Мы».
4. Автор романа «Игрок».
7. Автор романа «Мастер и Маргарита».
9. Автор романа «Беглянка».
10. Автор романа «Дон Кихот Ламанчский».
11. Автор повести «Тарас Бульба».
14. Автор романа «Бегущая по волнам».

По вертикали:

2. Автор романа «Война и мир».
5. Автор романа «Остров сокровищ».
6. Автор романа «Американская трагедия».
8. Автор романа «Евгения Гранде».
12. Автор романа «Лурд».
13. Автор романа «Джейн Эйр».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд,
дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер.,
дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные
известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных
изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 1229. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007